ВЕТРОВ

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

БИХЕВИОРИСТ

КНИГА ТРЕТЬЯ

АЛЕКС ОМ

18+

Алекс Ом

Ветров. Бихевиорист

«Автор»
2026

Ом А.

Ветров. Бихевиорист / А. Ом — «Автор», 2026

В лесах Ростовской области бесследно исчезает семья из шести человек. Вскоре находят сгоревший автомобиль с останками погибших. Но вторая машина пропала, свидетели противоречат друг другу, а среди деревьев обнаруживаются странные следы, которым никто не может найти объяснения.Психолог-криминалист Константин Ветров отправляется на поиски убийцы. Чем глубже он погружается в расследование, тем яснее понимает: страшнее лесных тайн могут оказаться самые обычные человеческие поступки.Тем временем прошлое, от которого Костя так долго пытался убежать, вновь напоминает о себе. И на этот раз ему предстоит не только раскрыть преступление, но и ответить за собственные ошибки.«Бихевиорист» — психологический детектив о природе человеческого поведения, цене ошибок и правде, способной изменить жизнь навсегда.

© Ом А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 12
Глава 3 18
Глава 4 23
Глава 5 29
Глава 6 35
Глава 7 42
Глава 8 46
Конец ознакомительного фрагмента. 50

Алекс Ом
Ветров. Бихевиорист

Глава 1

Я готовил кофе. Настя убирала посуду после завтрака, из комнаты негромко бормотал телевизор. На столе стояли две кружки: себе я налил кофе покрепче, Насте — помягче. Я ещё прикидывал, успею ли заглянуть в отдел до совещания, когда возле сахарницы завибрировал телефон.

— Ты ещё дома? — спросил Егор вместо приветствия.

— Да. А что?

— Я заеду за тобой. Из района позвонили: нашли сгоревшую машину. Похоже, Ковалёвых.

Я поставил кружку на стол. Настя обернулась, услышав мой ответ.

О пропавшей семье мы знали уже неделю. Четверо взрослых, двое детей, два автомобиля. Они уехали отдыхать в лесной район примерно за двести пятьдесят километров от Ростова и должны были вернуться в воскресенье. Во вторник родные обратились в полицию. Сначала надеялись на поломку или потерянную связь. Потом в поиски включились спасатели и добровольцы. Из леса приходили сообщения о найденных кострищах, старых колеях, забытых туристами вещах. О самой семье — ничего.

— Кто обнаружил машину? — спросил я.

— Грибник. В ложбине, возле старой дороги. Сергей Анатольевич уже на месте, криминалисты работают. Родин попросил нас подъехать. Местные говорят, после новостей к ним едут люди со всей области: каждый второй видел белый фургон, а показания между собой не сходятся.

— Кто ещё едет?

— Пока мы вдвоём. Наумов с Саблиным будут завтра. Валерия остаётся в Ростове: маршруты, телефоны, родственники. Подробности расскажу по дороге.

— А мы им зачем? — спросил я.

— Поисковики знают лес. Местный следователь ведёт дело. Мы поможем с маршрутами и опросами. Родин отдельно просил тебя: со свидетелями из-за детей творится чёрт знает что. Одни боятся говорить, другие уже рассказывают то, что услышали по телевизору.

— Ты умеешь опрашивать свидетелей и без меня.

— Умею. Но когда человек в третий раз меняет рассказ, я начинаю злиться. А ты хотя бы сначала спрашиваешь, откуда взялась новая подробность.

Он помолчал.

— Только не думай, что тебя зовут угадывать убийцу по походке. Там нам сейчас и без угадываний хватает работы.

— Не думал.

— Я знаю. Это я себе напоминаю.

Разговор закончился. Мне не хотелось ехать туда с готовыми ответами. Но я мог попытаться разобраться, что свидетели помнили до появления фотографий и слухов.

За кухонным столом, у стены, стояли две ещё не распакованные коробки. На одной Настя написала «КНИГИ», на другой — «ВСЯКОЕ», и под вторым словом Марк успел нарисовать самолёт. Мы обживали квартиру недавно, и я всё ещё по привычке искал чашки в прежнем шкафу. По вечерам Марк расставлял на подоконнике свои машины, а Настя жаловалась, что бумажные коробки размножаются быстрее, чем мы их разбираем.

Настя ещё вчера хотела узнать, сколько обойдётся перевозка наших вещей. Она оставила на холодильнике лист с расчётами, а я до сих пор не прочёл даже первую строку. В коробки я заглядывал охотнее: там хотя бы было понятно, что делать — поднять, заклеить, подписать. Со всем остальным она пока разбиралась одна.

За окном сосед выгуливал собаку. Настя накануне допоздна работала над заметкой о пропавших Ковалёвых и несколько раз перепроверяла, какие сведения полиция разрешила публиковать. Я помнил, как она откладывала листы и шла проверить, спит ли Марк. Утром всё казалось привычным и спокойным — пока не позвонил Егор.

Я положил телефон на стол. Настя посмотрела на меня и отставила тарелку, которую вытирала. Спрашивать, серьёзное ли дело, ей не пришлось.

— Нашли что-то? — произнесла она.

— Машину. Пока неизвестно, кто в ней был.

Она ненадолго замерла с полотенцем в руках, потом положила его на спинку стула.

— Куртку возьми тёплую. В лесу к вечеру холодно.

— Постараемся сегодня вернуться.

— Постарайтесь, — ответила она без упрёка.

Пока я собирал документы, Настя нарезала на кухне овощи. Слышно было, как постукивает нож о доску, потом зашуршала бумага. Уже на пороге я проверил карманы, чтобы убедиться, что не забыл телефон. Настя вышла ко мне с пакетом.

— Ты вообще завтракал?

— Кофе пил.

— Кость, я спрашиваю не про кофе.

— Тогда нет, — признался я.

Настя покачала головой и протянула мне пакет.

— Вот, вам с Егором собрала. Бутерброды, пару котлет положила, овощей нарезала. По дороге поедите. Только овощи сегодня съешьте, а то испортятся.

— Спасибо, Насть. Остановимся где-нибудь, перекусим.

— Смотри мне.

— Есть, товарищ начальник, — негромко ответил я.

Она чуть улыбнулась, поправила загнувшийся воротник моей куртки и поцеловала меня в щёку.

— Береги себя. И позвони, когда доберётесь.

— Обязательно. И ты, пожалуйста, не работай всю ночь.

— Скажешь тоже. Сам-то вернёшься сегодня?

Я не стал повторять обещание, которое уже не был уверен, что выполню.

Марк выглянул из комнаты, держа в руках маленький пластмассовый грузовик без одного колеса.

— Кость, ты его вечером починишь?

— Если вернусь не поздно, попробуем.

— Ты вчера тоже так сказал.

Он не обиделся. Просто напомнил. Я присел рядом, посмотрел на сломанную ось и пообещал хотя бы не забыть про неё. Марк ушёл искать отвалившееся колесо. А я подумал, что шестеро людей на фотографии Ковалёвых тоже когда-то собирались в дорогу из обычного дома, оставив за собой несделанные мелочи. Только куда они теперь делись, мы не знали.

— А когда мы уедем, грузовик тоже с нами? — спросил Марк из комнаты. Я пообещал взять грузовик, если найдётся колесо. Марк потребовал записать обещание: взрослые, по его словам, особенно хорошо умеют забывать небольшие вещи. На слове «небольшие» я не удержался от улыбки.

***

Егор подъехал на служебной машине. На пассажирском сиденье лежала папка, на заднем — термос и куртка. Я пристегнулся, а он передал мне фотографию, закреплённую скрепкой на первом листе.

Перед летним кафе стояли шесть человек: четверо взрослых и двое детей. Мальчик держал мяч, девочка заслоняла ладонью лицо от солнца. За их спинами виднелись высокий белый Fiat Ducato и тёмная легковая машина.

— Родин в курсе? — уточнил я.

— Да. Сказал ничего не решать без местного следователя. Мы там пока помогаем, не командуем.

Егор вывел машину со двора. Утренний поток ещё не успел заполнить улицы, но на перекрёстках уже собирались первые пробки.

— Настя писала об исчезновении? — спросил он.

— Короткую заметку. По официальной информации. Детей по фамилиям не называла.

— И правильно. Здесь, похоже, скоро будет полно прессы.

На выезде из города Егор включил радио. Диктор бодрым голосом обещал ясную погоду, за ним началась реклама какого-то праздничного концерта. Егор выключил приёмник. Никакой особой причины он не объяснил, а я не спросил.

Некоторое время мы ехали молча. Я снова посмотрел на снимок. У девочки были прищурены глаза. Мальчик стоял чуть в стороне от взрослых, как будто его только что позвали в кадр. Мне захотелось узнать, чем он интересовался, в какую школу ходил, дружил ли с сестрой. Эти вопросы не помогали искать пропавших. Но иначе снимок быстро превращался в приложение к делу: четверо взрослых, двое детей.

— Дедушка с бабушкой были в фургоне, — сказал Егор, заметив мой взгляд. — Сын, невестка и дети — в легковой. Так они выехали из Ростова. Позже могли пересесть, мы пока не знаем.

— А место отдыха кто выбирал?

— По словам родных, они ездили в эти края каждый год. Рыбалка, палатки. В этот раз взяли продуктов почти на неделю.

— По телефону кто-нибудь с ними разговаривал в дороге?

— Валерия поднимает звонки. Есть ещё разговор взрослого сына с кем-то по работе. Говорят, спорил. Но из-за чего — неизвестно.

Я записал это отдельно и подчеркнул в блокноте два слова: «кому звонил». Без этого чужой пересказ мог стать готовым мотивом.

***

В придорожном кафе мы остановились за кофе. До поворота в лесной район оставалось меньше часа.

Под навесом у входа лежал пёс, лениво наблюдавший за проезжавшими машинами. На окнах всё ещё висели бумажные снежинки, оставшиеся с зимы.

За стойкой стояла молодая девушка.

— Здравствуйте, — поздоровался я. — Скажите, а можно мы у вас кофе возьмём, а поедим своё? Жена в дорогу собрала. Сами понимаете, не съедим — домой возвращаться страшно.

Девушка улыбнулась.

— Конечно, располагайтесь.

— Тогда два кофе, пожалуйста. И шоколадку ещё.

Пока она готовила кофе, мы устроились за столиком у окна. Я достал Настин пакет. Она уложила всё аккуратно: отдельно котлеты, овощи в контейнере, бутерброды в бумаге.

— Вот это я понимаю, — заметил Егор, заглядывая в пакет. — Передай Насте спасибо.

— Передам. Только овощи сегодня обязательно съесть велела.

Егор кивнул.

— Тогда не будем рисковать.

Девушка принесла кофе. Я протянул ей купленную шоколадку.

— Это вам. Спасибо, что разрешили со своей едой.

— Да не за что, — немного смутилась она. — Приятного аппетита.

— Спасибо.

Мы поели, выпили кофе. Егор тем временем достал из папки несколько листов с записями и фотографию Ковалёвых, распечатанную на листе А4. Положил перед собой, перечитал что-то и сделал пометку ручкой.

Девушка проходила мимо нашего столика, когда вдруг остановилась.

— Простите… А вы тоже их ищете?

Я поднял голову.

Она смотрела на фотографию.

— Вы знаете этих людей? — спросил я.

— Нет, лично не знаю. Мы с мужем в выходные тоже ездили искать. Там много людей было, добровольцев. Только ничего не нашли.

Она снова взглянула на снимок.

— А ведь они, кажется, у нас останавливались.

Я отложил стакан.

— Правда? Что-нибудь запомнили?

— Девочку, кажется. Она апельсиновый сок просила, а у нас только яблочный был. Ещё кофе брали, выпечку какую-то. Точно уже не помню.

— А когда это было?

— По-моему, в пятницу. Но не уверена. У нас столько людей проезжает.

— Понимаю. А камеры у вас есть?

— Есть, над входом. Только записями хозяйка занимается.

— А чеки сохраняются?

— Должны. Это тоже у неё надо спрашивать.

Я достал визитку и протянул девушке.

— Спасибо вам. Мы свяжемся с хозяйкой. Если ещё что-нибудь вспомните, позвоните, пожалуйста.

Она взяла визитку, но уходить не спешила.

— А нашли кого-нибудь? — спросила тихо.

Я посмотрел на фотографию.

— Пока ищем.

— Жалко их. Особенно деток.

— Да, — ответил я. — Очень.

Она кивнула и вернулась за стойку.

Когда мы вышли на улицу, пёс возле крыльца приподнял голову и снова улёгся.

Егор убрал папку в машину.

— Если запись сохранилась, узнаем, когда они здесь были.

— И что покупали, — добавил я. — Может, даже увидим, кто в какой машине ехал.

— Хорошо бы.

Я посмотрел на окна кафе. Девушка уже обслуживала следующего посетителя.

В выходные она вместе с мужем искала совершенно незнакомых людей. А сегодня просто работала, как обычно. Мне хотелось верить, что однажды она узнает из новостей, что семья нашлась.

Мы сели в машину и поехали дальше.

***

После кафе дорога постепенно становилась уже. Деревни попадались реже. По обе стороны тянулись холмы, за ними темнел лес. На распечатанной схеме района всё выглядело проще: река, несколько дорог, старые карьеры, лесопилки. В действительности один поворот закрывали кусты, на другом колеи уходили в разные стороны, и не всегда было понятно, какая дорога считалась главной.

— Семья могла заблудиться, — сказал Егор. — Здесь и днём не каждый разберётся.

— Могла. Только исчезли две машины и шесть человек. Даже если одна сломалась, остаётся вторая.

— Значит, ищем место, где они остановились. А дальше сверим маршруты.

Я кивнул, обвёл на карте дорогу к оврагу, но карандаш задержался в воздухе: второй машины по-прежнему не было.

У перекрёстка стоял выцветший щит «Берегите лес от пожара». Кто-то нарисовал под надписью лицо без глаз. Я отметил его взглядом, но не стал задерживаться. Если верить каждому рисунку и каждой местной страшилке, времени на настоящих свидетелей не останется.

На соседнем дереве кто-то ножом вырезал три короткие черты, одну под другой. Я заметил их уже из машины, когда мы ждали встречную «Ниву». Срезы были светлыми, но после дождя даже старое дерево выглядело свежим.

— Дорогу метят? — спросил я.

Егор посмотрел в окно.

— Может, грибники. Или дети.

Чуть дальше такую же сосну заслоняли кусты. Проверять каждую зарубку мы не могли, но я запомнил рисунок: три линии, нижняя короче верхних.

Возле магазина дежурила старая «Нива» спасательного отряда. Мужчина в оранжевой куртке разговаривал с женщиной, которая требовала открыть перекрытый проезд. Он отвечал терпеливо, но было видно, что повторяет одно и то же не первый раз.

Мы показали удостоверения и спросили дорогу.

— Сергей Анатольевич вас ждёт, — сказал спасатель и начертил на нашей схеме короткий обход. — За речкой осторожнее. Мост после дождя подмыло.

— Семью действительно видели возле базы? — уточнил Егор.

— Кто-то видел у кафе, кто-то слышал ночью мотор. Один вообще уверяет, что вертолёт летал ещё до начала поисков. Только вертолёта тогда не было.

Слухов здесь было больше, чем указателей. Я попросил спасателя записать, кто первым говорил о вертолёте, а не пересказывать всю историю целиком. Он обещал посмотреть журнал звонков. До сих пор никто из нас не мог уверенно сказать, в какой день Ковалёвы свернули с основной дороги.

На деревянном мосту Егор пропустил встречный грузовик и повёл машину медленно, почти не касаясь педали газа. Под досками шумела вода. Я машинально начал считать пролёты настила, как делал в детстве, но сбился, когда колёса глухо ударили о стык.

Дальше показались свежие вырубки. Светлые пни тянулись по склону, на обочине лежали сучья. Пастух в дождевике перегонял стадо через дорогу. Пока мы ждали, Егор посмотрел на меня.

— Ты опять рассматриваешь детей.

Я опустил фотографию.

— Думаю, где они могли остановиться.

— Кость, если машина окажется их, ты не пытайся взять на себя то, что случилось до нашего приезда.

— Я и не собираюсь.

— Хорошо, — сказал он и отвернулся к дороге.

Он не стал спорить. Я был ему за это благодарен: спорить с самим собой мне и так хватало. Я ничего не мог изменить в том, что уже произошло, и всё равно мысленно возвращался к двум детям на фотографии. Впереди показалась лента оцепления, и мы больше не разговаривали.

***

У поворота к старой лесной дороге стоял полицейский автомобиль. За ним поперёк проезда тянулась лента. Егор припарковался так, чтобы оставить место для техники. Мы вышли и сразу почувствовали холодную сырость, которая держалась под деревьями даже днём.

Пока Егор доставал из машины документы, я отошёл на несколько шагов и набрал Настю. Она ответила почти сразу.

— Насть, мы добрались. Уже на месте.

— Хорошо, Кость. Как ты?

— Нормально. Пока только приехали.

— Ладно. Береги себя.

— Постараюсь. Вечером наберу.

Я убрал телефон в карман и вернулся к Егору.

Нас встретил местный следователь Сергей Анатольевич — сухощавый мужчина в промокшей ветровке. Он проверил удостоверения, коротко представился и провёл нас по краю огороженного участка.

— Грибник шёл старой тропой, — объяснял он на ходу. — Почувствовал запах гари, увидел чёрное пятно ниже дороги. Нашёл машину, позвонил. Не трогал ничего, насколько говорит.

— Уже подтвердили, что это машина Ковалёвых? — спросил я.

— Предварительно. Модель и цвет совпадают, сохранившийся фрагмент номера кузова совпадает с данными розыска. Эксперты ещё проверяют остальные признаки. Окончательно пока ничего не объявляем.

Мы вышли к ложбине, и я увидел автомобиль.

Не сразу понял, где у него передняя часть. Кузов повело от жара, стёкла исчезли, одна дверца приоткрылась на перекошенных петлях. На земле лежали чёрные обломки и мокрые ветки. Запах был не похож на обычный костёр. Дым давно рассеялся, но в воздухе оставалось что-то резкое, тяжёлое. Я вдохнул неглубоко и почувствовал, как пересохло во рту.

Егор остановился на шаг позади меня. Несколько секунд мы молчали.

— Кто-нибудь внутри? — спросил он.

— В салоне обнаружены останки, — ответил следователь. — Количество устанавливаем. Багажник пока не вскрыт: металл сильно деформирован. Эксперты работают по порядку.

Я достал блокнот, поставил дату. Ручка замерла над строкой. Написал: «Найден автомобиль». Посмотрел на перекошенную дверцу и добавил место, положение кузова, направление склона. За обычными словами теперь стояло то, к чему не хотелось подходить ближе.

Над крышей ветер шевелил полоску оплавленной плёнки, зацепившуюся за ветку. Где-то поодаль постукивал инструмент. По рации просили передать дополнительные пакеты для образцов. Никто не повышал голоса. Именно эта будничная работа возле обгоревшего кузова действовала на меня сильнее всего.

Я заставил себя рассмотреть положение машины относительно склона.

— Подходы к ложбине охраняются? — спросил я.

— С обеих сторон. И маршрут грибника записали. Сейчас фотографируют всё до расчистки.

Следователь посмотрел на нас внимательно.

— Если что-то понадобится у машины, сначала скажите экспертам. Порядок осмотра не нарушаем.

— Понимаем, — сказал Егор.

Когда Сергей Анатольевич отошёл к экспертам, мы остались возле ленты.

— Дверь открыта, — негромко произнёс Егор. — Кто-то мог выйти.

— А могла отойти, когда металл повело.

Он кивнул. Егор ещё раз посмотрел на дверцу. Я — на выгнутый от жара металл. Потом оба отошли от ленты.

Из-за машины раздался металлический удар. Я посмотрел на тёмный проём салона и впервые подумал не о том, как семья сюда попала, а о том, как мы будем говорить с теми, кто всё ещё ждёт её дома.

Глава 2

Работа у сгоревшего автомобиля продвигалась медленно. Эксперты отмечали положение каждого предмета, снимали крупным планом повреждения, сверяли номера пакетов. Иногда над ложбиной на несколько минут становилось совсем тихо: слышался только треск веток под сапогами да щелчки фотоаппарата. Потом кто-нибудь называл размер, просил линейку или новый контейнер, и всё продолжалось.

Я понимал, почему нельзя торопиться. Огонь уничтожил слишком многое. Если мы потеряем ещё и то, что осталось, восстановить события будет почти невозможно. Но понимать это было проще, чем стоять рядом и ждать.

— Давай сначала поговорим с тем, кто нашёл машину, — предложил Егор.

У края оцепления грибник объяснял молодому сотруднику, какой тропой вышел к ложбине. Мужчина был в сапогах, перепачканных светлой глиной. Он держал кепку обеими руками и мял козырёк, хотя на холод не жаловался.

Я дождался, пока сотрудник закончит записывать, и с разрешения следователя подошёл ближе.

— Расскажите мне ещё раз, с какого места заметили машину. Не спешите, — попросил я.

— Я чёрное увидел между сосен, — сказал мужчина. — Подумал, мусор жгли. Дыма нет, а гарью тянет. Сошёл ниже, смотрю — машина.

— А вчера здесь были?

— Нет. Я выше ходил. Тропа эта заросла, редко сворачиваю.

— Сегодня что-нибудь трогали?

— Ничего. Даже близко не пошёл. Увидел — и обратно, звонить.

Он коротко взглянул туда, где за деревьями виднелся обугленный кузов. Затем отвёл глаза.

— Я сразу понял, что нехорошо там, — добавил он. — Не мог объяснить, но понял.

Мне хотелось спросить, что именно он почувствовал: запах, увиденные повреждения, страх от самого зрелища? Такие слова часто кажутся подсказкой, хотя человек произносит их уже после того, как узнал о случившемся. Я попросил его показать маршрут на карте и уточнил, где он впервые почувствовал гарь. Он поставил карандашом крестик, но сразу предупредил, что мог ошибиться метров на сто.

— Лучше так и запишем, — сказал я. — Примерно.

Когда мы отошли, Егор тихо заметил:

— Он держится, но руки ходуном.

— Видел то, к чему нельзя подготовиться.

Я ещё раз посмотрел на руки грибника. Он едва удерживал кепку, но почти не ошибался в последовательности событий. Мне хотелось скорее довериться человеку, который первым обнаружил машину, — и всё же его маршрут мы договорились проверить отдельно.

***

По тропе грибника я прошёл вместе с участковым. Земля была мягкой, но у самой ложбины её уже истоптали люди, прибывшие после находки. Сотрудник, отвечавший за охрану места, показывал, какие отпечатки появились сегодня. Остальные ещё предстояло отделять от старых следов лесовозов и туристов.

— Издалека машину не видно, — сказал участковый, остановившись у сломанной берёзы.

Я присмотрелся. Между двумя соснами темнел край кузова. Если идти быстрее и не знать, куда смотреть, можно пройти мимо. Ниже склон был прикрыт кустарником, а старая дорога уходила в сторону.

— Пожар кто-нибудь замечал? — спросил я.

— Пока ни один человек не подтвердил. По ночам здесь редко ездят. Днём лесовозы бывают. Кто дым видел, мог за костёр принять.

Я отметил направление ветра, положение ложбины, близость старой дороги. Из этого ещё не получалось ни времени пожара, ни имени преступника. Зато становилось понятно, почему машину нашли не сразу.

У сломанной берёзы я остановился ещё раз. На коре сбоку виднелась неглубокая насечка. Чуть выше — вторая. Я позвал участкового.

— Эти метки давно здесь?

Он провёл ладонью по стволу, не касаясь срезов.

— Могли лесники оставить. А могли охотники. Здесь всё размечают кто во что горазд.

Я сфотографировал берёзу и привязал снимок к месту. Насечки не совпадали с тремя полосами возле дорожного щита, но после слов участкового меня ещё сильнее заинтересовало, у кого в этом лесу была собственная система ориентиров.

На обратном пути я услышал низкий гул двигателя: к оцеплению подъехала машина криминалистов. Водитель разгружал воду, аккумуляторы и расходные материалы. Увидев меня, он неловко остановился.

— Скажите, правда, что там пятеро? Мне сестра написала: в новостях уже говорят про детей.

— Число ещё устанавливают. Не передавайте непроверенное дальше, пожалуйста.

— Я понял.

Он покраснел, взял ящик и быстро понёс его к палатке. Мне было его жаль. Вероятно, он просто хотел узнать, что происходит. Но слух о пяти погибших успевал обежать область, пока эксперты ещё не закончили первую работу.

У фотографа группы я уточнил, что уже зафиксировано: положение рулевого колеса, открытой дверцы, следов у задних колёс, дорожной кромки. Рассматривая снимок, я поймал себя на готовой мысли: автомобиль будто направили вниз по склону.

— По-вашему, кто-то мог спустить её сюда? — спросил я.

Эксперт поставил фотоаппарат на ящик.

— Мог. Но «мог» и «сделал» — разные вещи. Мы ещё не проверили тормозную систему, повреждения и следы движения.

— Понимаю.

Я убрал блокнот в карман. Если машину действительно спустили по склону, это должны были подтвердить повреждения и следы, а не моё впечатление от фотографии. Пока было время проверить путь к ложбине. С ним хотя бы можно было работать ногами.

***

Егор подошёл ближе к полудню. Мы сели на поваленный ствол за лентой и раскрыли папку с данными Ковалёвых.

Четверо взрослых и двое детей. В списке были возраста, места работы, телефоны, сведения о машине. Сын работал инженером на небольшом заводе, его жена преподавала музыку. Старшие занимались садом и часто выезжали с семьёй на природу. Сами по себе эти строки выглядели сухо, словно их составляли для заполнения анкеты.

Я положил рядом фотографию из кафе. На ней отец держал руку на плече мальчика, а девочка тянулась к объективу. Мне вдруг захотелось закрыть список и оставить только снимок.

— Родственников уже уведомили о машине? — спросил Егор.

— Да. Но личности погибших не подтверждены. Сергей Анатольевич сам с ними связывается.

— Правильно. Иначе им по телевизору всё расскажут раньше нас.

Он подвинул ко мне бутылку воды. Я сделал несколько глотков и только тогда понял, как давно не пил простой воды. Бутерброды Насти лежали нетронутыми в сумке.

За лентой кто-то открыл термос, крышка негромко стукнула о скамью. Я заметил, что перестал листать документы. В салоне уже нашли останки взрослых, но багажник оставался закрытым. Его повреждённая крышка почему-то удерживала последнюю возможность, что мальчик и девочка не здесь. Я боялся не зрелища. Боялся услышать, что искать их больше некого.

Эксперт попросил ещё один инструмент. Мужчина, принёсший его, не стал задавать вопросов и сразу отошёл. Раньше я считал ожидание технической частью осмотра. Сейчас оно тянулось так долго, что я несколько раз ловил себя на желании отвернуться. Егор стоял рядом. Мы не договаривались молчать — просто не находили ни одного слова, которое стоило бы произнести.

Со стороны машины послышалась короткая команда. Эксперты готовились вскрывать деформированный багажник. Нас попросили отойти подальше. Я видел, как один сотрудник придерживал инструмент, второй осторожно разжимал металл. Скрежет отдался в зубах, словно кто-то провёл железом по камню.

Когда крышка наконец подалась, работа на мгновение остановилась.

Эксперт, который находился ближе всех, выпрямился и шагнул назад. Он не закричал и никого не позвал. Просто снял защитные очки и несколько секунд смотрел в землю. Другой человек наклонился к нему, что-то тихо сказал. Потом оба вернулись к работе.

Сергей Анатольевич подошёл к нам сам.

— В багажнике ещё двое, — произнёс он. — Предположительно дети. Окончательно подтвердит экспертиза.

Егор выдохнул сквозь зубы.

— А всего?

— Пока шесть. Четверо взрослых в салоне, двое в багажнике. Личности устанавливаем.

Я снова посмотрел на фотографию. Только что мне хотелось верить, что дети были во втором автомобиле. Что кто-нибудь успел уехать на Fiat, что ошиблись с числом, что в машине находились другие люди. Возможность ошибки ещё оставалась — так требовала точность. Но держаться за неё стало почти невозможно.

Я не почувствовал ни ярости, ни желания немедленно произнести громкую клятву. Наоборот, словно на несколько секунд оглох. В лесу продолжали переговариваться люди. Где-то скрипела подвеска подъехавшей машины. Я видел, как Егор спросил о порядке изъятия останков, и понял, что слова его до меня доходят с опозданием.

— Кость, — позвал он. — Ты слышишь?

— Да. Шестеро. Предварительно.

Я заставил себя записать именно последнее слово.

Я спрятал фотографию в папку. Голоса вокруг вернулись не сразу. Егор поставил рядом бутылку воды, но не заставлял меня пить. Я видел, что он тоже смотрит в сторону багажника и ничего не может с этим сделать.

Позже я не смог бы пересказать, кто первым снова заговорил. Запомнил только шорох пакетов для образцов и то, как один из молодых сотрудников снял перчатки, выбросил их и некоторое время не мог попасть новыми в расправленные манжеты. Никто его не торопил.

Мне вспомнилось, как утром Марк требовал починить игрушечный грузовик. Я представлял его в комнате среди коробок, где можно было спорить из-за колеса и сердиться на взрослого, который снова уезжает. Я очень хотел ещё раз позвонить домой. И одновременно боялся, что Настя услышит по моему голосу больше, чем я смогу ей сказать. Я всё же достал телефон, посмотрел на экран и убрал обратно. Пока нужно было остаться здесь.

***

Мы позвонили Наумову. Он слушал внимательно, не перебивал. Потом спросил об оцеплении, работе экспертов, втором автомобиле.

— Fiat не нашли, — сообщил я.

— Значит, это теперь одна из основных задач. Валерию из Ростова не снимайте. Пусть поднимает маршрут, контакты и документы. Мы с Саблиным выедем утром.

— Понял.

— И, Ветров, никаких собственных версий для прессы. Только подтверждённые сведения.

— Понял, Евгений Александрович.

После разговора мы со следователем обсудили, как сообщать родственникам о находке. В его списке напротив фамилий стояли домашние номера и адреса. Он несколько раз проводил пальцем по одной и той же строке.

— Они уже звонят, — сказал он. — Боятся услышать подробности из новостей.

— Нельзя говорить о личностях раньше заключения, — заметил Егор.

— И нельзя оставлять их с одной фразой: «У нас шесть тел», — добавил я. — Пусть с ними поговорит человек, который сможет остаться рядом и объяснить, что известно, а что ещё проверяют.

Сергей Анатольевич кивнул. Сотрудник, занимавшийся уведомлением семей, уже был на связи. Мы договорились, кто даст официальную информацию, а кто будет отвечать на звонки. Я посмотрел на список телефонов. Ни возле одного номера не было графы, куда можно вписать слова, которые сейчас понадобятся этим людям.

Позднее к оцеплению приехал второй дедушка детей — отец их матери. Мужчина держал в руках кепку и так сильно сжимал её, что ткань собралась в складки. Он остановился возле служебного автомобиля и не пытался пройти за ленту.

— Вторую машину нашли? — спросил он, когда мы подошли.

— Нет, пока ищем, — ответил следователь.

Мужчина долго смотрел ему в лицо. Потом перевёл взгляд на лес.

— Может, кто-то из них успел уйти? Там же фургон был. Может, дети…

Егор едва заметно выпрямился. Я не смотрел на него, но знал, что он думает о багажнике.

— Сейчас устанавливают личности всех обнаруженных людей, — осторожно сказал Сергей Анатольевич. — Я не стану говорить вам того, чего эксперты ещё не подтвердили. Поиск второй машины продолжается.

Мужчина кивнул и сел на край сиденья с открытой дверцей. Несколько минут он молчал. Я присел рядом на корточки, оставляя между нами расстояние. Слова «держитесь» казались здесь пустыми, а обещать, что всё будет хорошо, было бы жестоко.

— Я его камни учил бросать, — неожиданно произнёс мужчина.

— Кого?

— Внука. На реке. Он выбирал круглые, а они сразу тонули. Сердился: «Вода у меня попытки ворует». — Мужчина растянул уголки губ, будто собирался улыбнуться, но не смог. — Потом я ему плоский нашёл, у него два раза отскочил. Он целую неделю рассказывал.

Я слушал. Он, кажется, не видел перед собой ни нас, ни служебных машин. Только тот берег, мальчика и камни.

— А другой его дед, который был с ними, — продолжил мужчина, помолчав, — всегда с собой брал маленькую банку мёда. На рыбалку, в лес, куда угодно. Говорил, что без неё чай не чай. Моя дочь смеялась, что в отпуске от его банки больше хлопот, чем от двух детей. — Он посмотрел на свои ладони. — У них были свои глупости. Хорошие. Свои.

Позже я записал про мёд на обороте чистого листа, не в протоколе. Четверо взрослых слишком быстро превратились для нас в четыре строки сводки. Я не хотел забывать, что они любили друг друга и успевали друг над другом посмеяться.

— Он больше не придёт к реке, да? — тихо спросил мужчина.

Я не сумел ответить. Всё, что мы знали, ему уже сказали; всё остальное было бы догадкой. Он и не стал ждать слов.

Через некоторое время за ним приехал ещё один родственник. Я помог мужчине подняться и отошёл. Он всё ещё держал кепку, не надев её даже на холодном ветру.

— Долго вы с ним сидели, — сказал позже следователь. — Нужное что-нибудь узнали?

Я покачал головой.

— Для дела ничего.

— Не всё обязано попадать в протокол, — ответил он.

Я запомнил его слова. Рядом с оцеплением стояли люди, которым протокол уже не мог ничем помочь. Мне не хотелось уходить от них, но и оставаться дольше я не умел.

***

Вечером я позвонил Валерии. Она уже слышала от Родина о шестерых, но первым делом попросила отделить официальные результаты от наших предположений.

— Я пришлю список запросов, — сказала она. — И по звонкам взрослого сына проверю. Только, Кость, с родственниками осторожнее. Не говорите ничего, чего ещё нет в заключении.

— Понимаю.

— Ты как сам?

Я посмотрел на руки. На пальцах осталась серая пыль, хотя я почти ни к чему не прикасался.

— Работаем, Лер.

— Я не про работу спрашивала.

Несколько секунд я молчал.

— Тяжело. Потом расскажу.

— Хорошо. Береги себя.

На базе нам выделили две маленькие комнаты с металлическими кроватями и электрическим чайником в коридоре. Хозяйка, Зоя Павловна, поставила перед нами тарелку горячих пирожков. Услышав, откуда мы, она не стала спрашивать о погибших.

— Белый фургон здесь проезжал, — сказала она, когда Егор показал фотографию машин. — Неделю назад, кажется, в пятницу. Дети в окно выглядывали, женщина сделала им замечание. На базе не останавливались.

— Легковую помните? — спросил Егор.

— За фургоном ехала. Водителя не видела, автобус тогда обзор загородил.

Мы записали её слова, уточнили возможное время. До выезда из Ростова дети, по нашим сведениям, ехали в легковой. Если Зоя Павловна действительно видела их в фургоне, значит, по дороге семья пересаживалась. Или хозяйка базы спутала пассажиров. Я отметил и это, не выбирая пока между двумя объяснениями. Она назвала ещё работника проката лодок и сторожа лесопилки, которые могли видеть две машины.

— А сами вы по вечерам далеко от базы ходите? — спросил я Зою Павловну, когда она унесла пустую тарелку.

— За калитку разве что. Лес я здесь с детства знаю, а сейчас и мне не по себе.

— Из-за того, что случилось?

— Из-за людей больше. То машину ночью слышат, то огонь у ручья. Вчера мальчишка из Нижних Ключей сказал, будто кто-то сидит на дереве и смотрит вниз.

Егор поднял голову от карты.

— На каком дереве?

— Я у него не спрашивала. Он вообще шептал, словно боялся, что его услышат. А потом мать за ухо увела: опять, говорит, страшилки придумываешь.

В блокноте я отдельно отметил: сама Зоя Павловна никого на дереве не видела. Она хмыкнула:

— Вы мне не верьте. У нас если кто ночью дверью хлопнет, утром уже медведь по огородам ходит.

Мы улыбнулись. Но, вернувшись к карте, я отметил, что у старой вырубки действительно были высокие деревья над ручьём. Что там мог видеть мальчик, предстояло выяснять, если удастся его найти.

После ужина Егор развернул на столе карту. Между кафе, базой и ложбиной тянулись десятки дорог, часть которых на бумаге обрывалась в лесу.

— Если кто-то увёл Fiat, куда он мог поехать? — спросил Егор.

— Сначала надо понять, откуда его увели.

— А если на нём уехали сами старшие?

Я положил рядом снимок шестерых.

— Тогда нам придётся объяснить, почему в легковой машине оказались останки шести человек. И как фургон исчез после этого.

Мы ненадолго замолчали. За стеной кто-то переставил стул, в коридоре застучал чайник. Я достал телефон и увидел пропущенное сообщение от Насти: «Ты поел?»

Вышел на крыльцо и набрал её номер.

— Так это машина Ковалёвых? — спросила она.

— Похоже, да. Окончательно ещё проверяют.

— А людей?

Я смотрел на тёмную дорожку, уходившую от дома к лесу.

— Пока не могу подробно. Но всё очень плохо.

Она не стала расспрашивать.

— Тогда поешь хотя бы. Ты ведь целый день на ногах.

Я вспомнил два бутерброда в сумке. Удивился, что действительно голоден, и почувствовал из-за этого глупую неловкость.

— Поем. Как вы там?

— Дома всё нормально. Марк спрашивал, когда приедешь.

— Скажи, пока не знаю. Как выясню — позвоню сам.

После разговора я ещё постоял на крыльце. В окне столовой зажёгся свет, скрипнула дверь. Егор показал на две тарелки, поставленные на стол.

— Последний раз приглашаю. Потом съедаю твою порцию.

Я вернулся. Пирожки были уже холодными, зато чай обжигал губы. С улицы тянуло влажной хвоей. Егор рассказывал, что Зоя Павловна спорила с электриком из-за лампы в коридоре; я слушал и понемногу приходил в себя. Завтра мы снова выйдем в лес. Сегодня нужно было хотя бы поесть и уснуть.

Глава 3

Наумов с Саблиным приехали около семи утра. Мы с Егором уже сидели в столовой базы над вчерашними схемами. На подоконнике запотело стекло, за ним начинался серый день. От короткого сна я чувствовал себя немного лучше, хотя стоило закрыть глаза, и передо мной снова появлялся багажник сгоревшей машины.

Саблин занёс дорожную сумку и пакет с продуктами. Наумов, не сняв куртки, подошёл к столу.

— Ветров, доложите по порядку.

Я убрал чашку с карты и начал с того, как нашли автомобиль. Рассказал о предварительных шести погибших, деформированной дверце, положении машины в ложбине, осмотре грибника. Потом передал лист с вопросами для экспертов: время пожара, причины смерти, маршрут второго автомобиля. Егор дополнил меня показаниями работников кафе и базы.

Наумов несколько раз перебил. Каждый раз просил уточнить: это сказали эксперты или мы сами так решили?

— Четыре взрослых, двое детей — по предварительному осмотру? — уточнил он.

— Да. Личности и причины смерти не подтверждены.

— Так и говорите дальше.

Сергей Анатольевич пришёл через несколько минут. Он держал папку с ночными донесениями и выглядел человеком, которого разбудили раньше, чем он успел уснуть.

— Кто сегодня руководит поисковыми группами? — спросил Наумов.

— Поляков. Он здесь с самого начала. Координаты согласует с нами.

— Хорошо. Давайте один общий план. Не будем мешать вашим людям разными распоряжениями.

Слова прозвучали сухо, зато я увидел, как следователь немного расслабился. Здесь и без нас хватало руководителей, карт и срочных звонков.

***

Поляков ждал у старого УАЗа. Невысокий крепкий мужчина с растрескавшимися руками, он разложил карту прямо на капоте и прижал углы камнями. На бумаге цветными карандашами были отмечены поисковые квадраты: где прошли цепью, куда не смогли добраться, где требовалось повторное прочёсывание.

— Вот здесь два пути сходятся. — Поляков ткнул пальцем в узкую линию. — А на самом деле между ними обрыв. На карте двести метров, ногами — четыре километра обхода. Если кто-то просто проведёт черту карандашом, группа может полдня потерять.

— Сколько людей работает? — спросил Наумов.

— Тридцать семь, считая добровольцев. Шестеро с техникой. Вертолёт обещают к выходным, если погода даст.

На карте расстояния выглядели смешными: две короткие линии, между ними полсантиметра. На деле Поляков показывал обходы по несколько километров. Если человек прятал здесь машину, он мог знать проезды, которых не было у нас на бумаге. Но мог и просто случайно наткнуться на удобную дорогу.

Саблин отправился к экспертам. Егор собирался проверить магазины вдоль трассы. Я с Наумовым и участковым поехал в лесничество: нам нужны были старые дороги, известные местным, и люди, которые пользовались ими без навигатора.

В лесничестве нас встретил мужчина с засученными рукавами. Он долго мыл руки у бочки с дождевой водой, хотя, похоже, закончил работу до нашего приезда. За спиной у него стоял сарай с распахнутой дверью.

— Ковалёвых видели? — спросил участковый.

— У меня тут не гостиница. Машины идут каждый день. Как я всех запомню?

— Нас интересует старый проезд к обрыву, — сказал Наумов. — Им ещё пользуются?

— Перекрыли лет десять назад. Но кто хотел, всегда объезжал.

Лесничий повёл нас к сараю. На стене висела карта лесных кварталов — выцветшая, с карандашными исправлениями. Некоторые просеки были перечёркнуты, другие, наоборот, дорисованы.

— Можно сфотографировать? — спросил я.

— Снимайте. Только потом не говорите, что я вас туда отправил.

Пока я наводил телефон, за забором залаяли собаки. Возле старой хозяйственной постройки стояли несколько вольеров. На одной дверце висели узелки из ниток и полосок ткани.

— Это для собак? — спросил я.

— Внуки повесили. Боятся своего человека без лица.

— Кого?

— Да сказки местные. В Нижних Ключах мальчишки рассказывают, будто кто-то в капюшоне у воды ходит. Сначала один видел, потом полпосёлка увидело. Теперь и днём туда боятся.

— Кто первым рассказал, знаете?

— Не знаю. У них спросите.

На обратном пути я записал название посёлка. Наумов заметил это.

— Местные страшилки проверять будете?

— Проверю, кто что действительно видел. Может, под разговорами о «человеке без лица» есть обычный прохожий. А может, ничего.

— Вот с последнего и начинайте, — ответил он.

Он позвонил Саблину. Тот сообщил, что по машине есть первые результаты осмотра, но огонь уничтожил слишком много следов. До лабораторных заключений нельзя уверенно говорить даже о количестве выстрелов. Наумов выслушал его и убрал телефон.

— Значит, пока никаких красивых выводов, — сказал он.

Я хотел напомнить, что версии всё равно нужны, но вовремя прикусил язык. Наумов говорил не о запрете думать, а о том, чтобы не выдавать догадку за результат. На грязной стенке старого сарая всё ещё висела карта, которую мы только что сфотографировали. На ней было больше ходов, чем у нас в штабе.

***

У старого моста мы встретились с Поляковым. Он показал две дороги: одна уходила к туристической базе, другая тянулась к урочищу, заваленному деревьями. С моста было видно, насколько обманчиво близкими кажутся повороты, если смотреть сверху.

— Если человек хотел уехать незаметно, куда бы он пошёл? — спросил я.

Поляков посмотрел на меня.

— Какой человек? Местный? Приезжий?

— Допустим, местный.

— Тогда есть старая колея выше ручья. С трассы её почти не видно. Приезжий, скорее всего, пойдёт через мост и ещё застрянет.

— То есть вы бы искали среди местных?

— Я сказал только про дороги, — спокойно ответил Поляков. — Кто виноват, вы выясняйте.

Мне стало неловко. Я пытался превратить знание местности в портрет человека, хотя в нашем распоряжении была всего лишь карта. Хорошо, что Поляков не согласился с удобной версией.

Поляков уже собирался свернуть карту, когда я спросил про насечки на деревьях.

— Три полосы, иногда две. Видели по дороге и возле ложбины.

— Грибники метят свои места, — сказал он. — Лесники — кварталы, геодезисты — точки. Но если кто-то с ножом пошёл, можете потом целый день его метки разбирать.

— Можете показать нормальные знаки лесничества?

Он взял карандаш и нарисовал на обороте схемы несколько привычных обозначений.

— Ваши на них не похожи. Только это не значит, что их оставил один человек.

— А над ручьём есть охотничьи вышки?

— Стационарные — дальше к вырубке. Старые самоделки попадались. Ветка ветку закрывает, с земли не заметишь.

Я вспомнил слова Зои Павловны о мальчишке, который будто бы видел кого-то на дереве. Слишком мало для вывода, но достаточно, чтобы в следующий выход внимательнее смотреть не только под ноги.

К полудню дождь ненадолго прекратился. Мы собрали одну из поисковых групп и поехали к участку, который требовалось пройти повторно. В неё вошли лесник, двое добровольцев и молодой полицейский. Поляков показал, как отмечать границы квадратов, чтобы между соседними маршрутами не оставалось непройденных полос.

Под ногами пружинила мокрая хвоя. В низинах пахло прелыми листьями, выше ветер шевелил верхушки деревьев. Ноги быстро устали от подъёмов и скользкой земли. Я старался следить не только за тем, что впереди, но и за направлением наших шагов, чтобы потом можно было точно восстановить маршрут.

В лесу не всегда удавалось понять, откуда доносится звук. Ручей оставался справа, но за холмом шум воды вдруг доносился почти спереди. Один раз я принял за шаги сухие ветви, которыми ветер тёр по стволу. Поляков остановился и показал, какие ветви трутся о ствол. Здесь было легко решить, что рядом кто-то идёт, хотя никого не было.

На ветке лесник заметил полоску синей ткани.

— Не трогайте, — сразу сказал Егор, оказавшийся рядом с группой после своего выезда.

Он достал фотоаппарат, отметил место на схеме. Когда подошёл эксперт, ткань зафиксировали и изъяли. На фотографиях Ковалёвых было достаточно синих вещей, чтобы нас заинтересовать: куртки, брюки, сумка. По одному цвету владелец вещи не устанавливался.

— Может, их, — сказал молодой полицейский.

— Отметьте место, — сказал я. — Родственникам покажем снимок после оформления. Только не станем пока обещать, что это вещь Ковалёвых.

Через несколько сотен метров нашли детские следы у ручья. Небольшие отпечатки уходили к дороге, рядом тянулись ямки от палки. Я ускорил шаг, прежде чем успел себя остановить. На секунду я всерьёз надеялся, что один из детей мог сюда добраться.

Дорога вывела нас к машине грибников. Возле неё стоял мальчик в резиновых сапогах, а его отец набирал воду в канистру. Рисунок подошвы оказался похож на обнаруженные отпечатки.

— Простите, — сказал отец, когда понял, почему мы остановились.

— Вам не за что извиняться, — ответил Егор.

Мальчик смотрел на нас с любопытством.

— Вы сокровища ищете?

Я присел, чтобы не смотреть на него сверху вниз.

— Мы ищем людей и пытаемся понять, что с ними случилось.

— А найдёте?

— Очень стараемся.

Мальчик кивнул и побежал к отцу. Я смотрел ему вслед. Следы оказались чужими. Радость оттого, что живой мальчишка сейчас побежит домой, и досада от новой неудачи почему-то смешались. Отец сердито вытирал руки о куртку, ребёнок что-то оживлённо объяснял ему. Я поймал себя на том, что завидую их совершенно обычному спору.

***

Во второй половине дня мы поговорили с работником проката лодок. Он сначала уверенно сказал, что у него спрашивали, где оставить белый фургон на ночь, но затем признался, что не помнит ни марки, ни даты. В разговоре возникла женщина в красном плаще; на наших семейных снимках такой одежды не было.

— Начните с того момента, когда они подошли, — попросил Егор. — Не с того, что вы позже узнали из новостей.

Мужчина потеребил воротник и попробовал рассказать ещё раз. Получалось меньше деталей, зато честнее. Мы записали и эту версию.

Возле пункта проката на верёвке сушились детские спасательные жилеты. Один, голубой, был совсем маленький. Я вспомнил Марка: как он однажды сердился из-за неудобной застёжки на жилете и не хотел признавать, что без неё в лодку не пустят. Воспоминание пришло неожиданно и почти физически — я на секунду почувствовал знакомую домашнюю суету.

Егор проследил за моим взглядом.

— Поехали, Кость. Ещё ребята на остановке ждут.

Он ничего не спросил. За это я был ему благодарен.

Подростки прятались от начавшегося дождя под крышей старой автобусной остановки. Стоило произнести слова «пропавшая семья», как все заговорили разом. Один уверял, что видел человека в маске. Другой слышал стук в окна. Третий знал знакомого, который будто бы встречал ночью фигуру у воды.

Я попросил их не перебивать друг друга. Но каждый старался рассказать историю страшнее предыдущей. Только девочка в зелёной шапке молчала. Когда остальные побежали за подъехавшим автобусом, я подошёл к ней.

— А ты что-нибудь сама видела? Не то, что рассказывали ребята.

Она носком ботинка сдвинула камешек.

— Мужчина шёл к воде. Капюшон надвинул, лица не видно.

— Когда это было?

— Ещё до всех этих новостей. Мама тогда отпускала за грибами.

— Он с кем-то разговаривал? Что-нибудь нёс?

— Не заметила. Далеко было.

Я не стал спрашивать, не похож ли прохожий на героя местных историй. Девочка видела мужчину на расстоянии, а теперь слышала от одноклассников про маску и «человека без лица». Мы попросили её дать контакты матери и договорились о повторном разговоре без толпы у остановки.

У машины Егор перелистнул блокнот.

— Всё-таки один и тот же человек всплывает в каждом рассказе.

— Пока всплывает не человек, а рассказ о нём, — ответил я. — У этой девочки было собственное наблюдение, остальные уже пересказывали чужое.

— Нужно найти самого первого свидетеля?

— И поговорить с ним до того, как ему подробно объяснят, кого мы якобы ищем.

***

Когда мы вернулись на базу, день уже клонился к вечеру. Саблин сидел на ступеньке и заклеивал пластырем натёртую пятку. Я предложил аптечку, но он показал, что уже справился.

В штабе нас ждала неудача: сведения о последних телефонных соединениях семьи давали слишком широкую область. В лесных низинах связь пропадала, и один сигнал мог относиться к нескольким километрам дороги. Вместо точки на карте мы обвели большой участок.

— Хорошо бы хотя бы отрезок пути знать, — сказал Егор.

— Потому и работаем со свидетелями, — ответил Поляков. — Башня в лесу тропу за вас не покажет.

Мы снова сопоставили работников кафе, базы и проката. Времена не сходились. Я предложил две колонки: что можно проверить по чекам и записям — и что пока держится только на памяти. Егор озаглавил вторую «Очень хотелось бы», и Наумов велел убрать кавычки, прежде чем показывать таблицу следователю.

Вскоре бумага на столе была исписана пометками. За окном снова шёл дождь. От долгого сидения затекла спина. На листах прибавлялось фамилий, маршрутов и вопросов, а на карте почти не появлялось точек, которым можно было верить.

Зоя Павловна принесла кастрюлю картошки, солёные огурцы и тарелку с нарезанным салом. Мы собирались поесть за пять минут, но Саблин, стягивая мокрый сапог, так громко застонал, что Егор не удержался:

— Ты там ногу оставил?

— Если оставил, не трогайте. Завтра за ней вернусь.

Наумов поднял глаза от бумаг.

— Саблин, с такой походкой вы завтра никуда не пойдёте.

— Я и сегодня никуда не ходил. Я страдал.

Даже Поляков улыбнулся. Он сидел ближе к двери, будто в любой момент собирался снова выйти в дождь.

— Раньше у нас на этой базе охотники собирались, — сказал он. — По ночам рассказывали, кто кого в лесу видел. Один уверял, будто кабан за ним два километра шёл.

— И что оказалось? — спросил Егор.

— Сосед с фонарём. Самого охотника не узнал в темноте.

— Лучше бы кабан, — сказал Саблин. — От соседа потом всю жизнь слушать придётся.

Картошка оказалась пересоленной, зато горячей. Я взял вторую порцию и только тогда понял, насколько проголодался.

— Марк бы отказался, — сказал я вслух.

— От сала? — уточнил Егор.

— От картошки с укропом. Уверен, что зелень кладут специально, чтобы детям портить жизнь.

— Разумный парень, — одобрил Саблин.

Наумов спросил, как они с Настей устроились. Я ответил коротко, без подробностей, но от одного вопроса мне стало легче. Здесь, за мокрым окном, оставалась работа, а в Ростове кто-то, наверное, всё ещё искал отвалившееся колесо от игрушечного грузовика.

Минут десять мы разговаривали не о деле. Потом рация на столе прохрипела чью-то фамилию. Поляков первым потянулся к ней. Я заметил, как быстро смолкли остальные.

Сообщение оказалось обычным — группа возвращалась в срок. Поляков положил рацию обратно.

— Ешьте, — сказал он. — Остынет.

Через полчаса он сам вышел на очередной обход квадратов. К тому времени за окном уже не было видно ничего, кроме мокрой дорожки под фонарём.

Поляков вернулся поздно, в мокрой куртке и с журналом поисковых групп под мышкой. Он не стал снимать сапоги, а сразу подошёл к карте.

— Есть стоянка у водоёма. Старое кострище, следы не до конца смыло. Вещи, похоже, семейные. Я людей оттуда отвёл, чтобы не затоптали.

Егор поднялся.

— Где?

Поляков поставил на карте крестик. Мы с Егором переглянулись. Стоянка находилась намного ближе к сгоревшей машине, чем мы предполагали.

Глава 4

Утром мы снова поехали к водоёму. Ночью дождь почти прекратился, но на листьях и тонких ветках ещё держалась вода. Дорога закончилась за двести метров до стоянки. Машины оставили у просеки и дальше шли пешком. Сапоги вязли в рыхлой земле, мокрый кустарник цеплялся за рукава.

Поляна открылась неожиданно. Небольшое ровное место между деревьями, спуск к ручью, несколько удобных площадок для палаток. В другой день я мог бы представить здесь обычную семью у костра. Сейчас мне пришлось почти усилием воли удержать эту картину в голове: люди приезжали отдыхать, а не становиться частью уголовного дела.

— Сюда вчера никого не пускали, — сказал Поляков. — Я только края обозначил. Ваши эксперты уже в пути.

У кострища лежал круг потемневших камней, внутри — намокшая зола и обгоревшие ветки. Чуть дальше виднелась крышка консервной банки. У ручья между корнями застряли две пустые банки из-под светлого пива. Одна лежала так, что можно было рассмотреть рисунок на этикетке.

Я остановился у камней и попытался мысленно расставить людей вокруг огня. Шестеро. Взрослые заняты ужином, дети крутятся рядом, кто-нибудь ищет в сумке спички. У мокрых камней лежала чужая банка. Я не мог даже назвать эту стоянку их стоянкой.

Саблин попросил всех отойти за намеченные границы, пока место не сфотографируют. Я присел возле поваленного ствола и стал рисовать в блокноте расположение костра, воды и двух возможных въездов.

— Что отмечаешь? — спросил Егор, остановившись рядом.

— Расстояния. Если мы потом будем обсуждать, откуда что было видно, не хочу полагаться только на память.

Он наклонился к листу.

— Сюда дорисуй кусты. От дороги они закрывают весь берег.

Я обвёл карандашом участок, на который он показал.

— А от ручья костёр видно?

— Сейчас посмотрю, — ответил Егор и отошёл по краю поляны, не заходя на следы.

Когда Егор вернулся, он показал, где кусты перекрывают обзор с дороги. Я поправил схему: с этого места кострище было почти не видно, даже если знать, куда смотреть.

Наумов приехал минут через двадцать. Саблин показал ему верёвку, обнаруженную среди корней, и маленькую металлическую деталь. По форме она напоминала гильзу, но никто пока не брался утверждать, что это она. Оба предмета сфотографировали на месте, отметили положение и лишь затем изъяли.

— Здесь могли отдыхать, — сказал Егор. — А дальше произошло что-то другое.

— Могли, — ответил Наумов. — Но мы пока даже не знаем, на этой ли поляне семья была в последний раз. Не спешите соединять события.

Он обратился к Саблину и уточнил, какая часть берега уже осмотрена. Я вернулся к своему рисунку. От него пока было больше вопросов, чем пользы, но хотя бы пространство переставало казаться одной сплошной стеной деревьев.

***

Я обошёл внешнюю границу поляны. За кустарником нашёл небольшое место, откуда был виден костёр и часть берега. На земле лежали окурки. Трава выглядела примятой, но я не мог сказать, когда здесь кто-то сидел. В лесу десятки людей могли выбирать одно и то же удобное укрытие, не имея отношения друг к другу.

Егор подошёл ко мне по тропинке.

— У ручья шум такой, что шагов не разберёшь, — сказал он. — Проверим, как слышно от костра?

Я кивнул. Он остался у костра, а я спустился за кусты. Егор несколько раз позвал меня обычным голосом. На открытой части поляны слова различались отчётливо, а когда я отошёл ниже, слышал только обрывки. Вода перекрывала даже шаги.

Вернувшись, я показал на схеме место, где почти переставал его слышать.

— Получается, с одного места можно видеть костёр и почти не слышать, что у воды происходит, — сказал я.

— А тот, кто стоял у воды, мог не расслышать голоса на поляне, — добавил Егор.

Я ещё раз взглянул на разницу в высоте берега и ручья. Не стоило спорить о звуке на глазок: Егор хотя бы проверил его на месте.

Мы проверили расстояние ещё раз, уже без громких окликов. Не хотелось превращать место, где, возможно, погибла семья, в площадку для экспериментов. Достаточно было понять, как здесь ведёт себя звук.

Поляков предложил повторить опыт при ветре, но на этом мы остановились. Если человек был у сосны, он мог услышать остановившуюся машину раньше, чем увидеть людей у воды. А люди возле костра, наоборот, могли не расслышать его приближения. Это пока не указывало на убийцу, зато объясняло, почему чужое появление здесь могло стать неожиданным.

У воды обнаружили смятый пакет местного магазина и металлическую крышку от детской бутылки. Егор заметил её первым, показал Саблину и отошёл, пока эксперт делал снимки. Фотографии находки предстояло сверить со списком вещей Ковалёвых.

— У них дети были, — негромко сказал Егор, глядя на крышку.

Я вспомнил мальчика с мячом на фотографии.

— Покажем крышку родственникам, — сказал я. — Может, узнают бутылку. Только сначала всё задокументируем.

Саблин услышал последние слова.

— С верёвкой то же самое, — сказал он. — По виду не различишь растяжку тента и хозяйственную верёвку. Её исследуют отдельно.

Наумов распределил задания. Я должен был пройти с Поляковым старые подходы к поляне. Егор — связаться с теми, кто арендовал участки поблизости, и выяснить, видели ли они машины. Саблин оставался с экспертами.

Из-за кустов неожиданно вышел маленький коричневый пёс с одним висящим ухом. Он принюхался к сапогам Полякова и неторопливо скрылся за деревьями.

— От лесничества, наверное, — сказал Поляков. — Здесь такие бегают.

Егор проводил его взглядом:

— Не удивлюсь, если это и есть ваш лесной человек. Только без капюшона.

Я усмехнулся. После рассказов о фигуре у воды обычная собака действительно казалась почти обнадёживающей.

***

Выше поляны стоял старый поваленный ствол. Если раздвинуть ветви, через просвет открывался вид на место костра. Рядом обнаружили несколько окурков разных марок. Эксперт позже обратил внимание, что листья лежали на них неодинаково: по крайней мере один вполне мог оказаться здесь задолго до приезда семьи.

Я присел у ствола. С этого места можно было наблюдать за стоянкой, оставаясь почти незаметным. Сквозь щель между ветками виднелся край кострища.

— К этому дереву есть тропа? — спросил я Полякова.

— Сверху, от гребня. Охотники ходят. По сухому грунту даже после дождя след не всегда заметишь.

Он повёл меня коротким обходом. Узкая колея проходила между корнями, потом поднималась к старой вырубке. Несколько раз я терял её из виду, а Поляков безошибочно находил продолжение. На таких дорогах человек с опытом чувствовал себя иначе, чем приезжий.

— С этой точки стоянку хорошо видно, — сказал я Полякову. — Особенно вечером, когда горит костёр.

— И с десятка других тоже, — ответил он. — Но местечко удобное. Охотники раньше любили такие гребни.

Поляков отошёл к краю просеки и показал ещё одну узкую тропу, которую мы с первого раза не заметили.

— Далеко она ведёт? — спросил я.

— К старой вырубке. Выше сосны, с ветками на уровне крыши. Там когда-то ставили охотничьи сиденья. Сейчас не знаю, что осталось.

Я посмотрел вверх. Среди ветвей не было видно ничего, кроме серого неба. Но тропа уходила как раз туда, откуда открывался обзор на берег.

Мы отметили подход на схеме. Я попросил Полякова пройти с нами до гребня — пока эксперты заканчивали работу на поляне.

На подъёме он вдруг остановился.

— Погодите. Это раньше здесь было?

Я посмотрел в указанную сторону. Сначала увидел только тёмную сосну и корягу, застрявшую между ветками. Потом различил три доски, прибитые к стволу одна над другой. Над ними, между двумя деревьями, темнела небольшая крыша из ржавого железа.

— Засидка? — спросил Егор.

— Или детский штаб, — ответил Поляков. — Снизу её вообще не видно.

Мы поднялись ещё на несколько шагов, не приближаясь к стволу. Узкая деревянная площадка висела на высоте нескольких метров. С одной стороны её прикрывали ветви, с другой открывался просвет к ручью.

Егор оглянулся на поляну.

— Оттуда костёр прямо перед глазами.

Я не ответил. Ещё час назад мы обсуждали, можно ли наблюдать за стоянкой с холма. Теперь над нашими головами висела настоящая площадка, которую снизу не замечали даже поисковики.

— Не лезем, — сказал Поляков прежде, чем мы успели спросить. — Доски мокрые, половина неизвестно на чём держится.

Я позвонил Саблину. Он попросил обозначить подход, ничего не трогать и дождаться осмотра. Мы отступили к тропе. Пока ждали, я заметил две аккуратно срезанные ветви на уровне площадки. На свежих светлых торцах собирались капли воды. В соседней сосне виднелись три старые насечки, одна ниже другой.

— Те же, что возле дороги? — спросил Егор.

— Похожи. Но здесь третья шире.

— Значит, не будем за них расписываться одним человеком.

Он говорил как обычно, спокойно. Я снова посмотрел на тропу. С дороги ничего не было видно, с тропы — только доски между ветвями. Мы ходили рядом с этим местом и понятия не имели, что оно здесь есть.

Саблин пришёл с двумя сотрудниками и фотоаппаратом. Сначала они сняли сооружение с разных сторон, измерили расстояние до кострища и отметили опоры. Потом проверили лестницу и закрепили страховку. Вверх поднялся один специалист; мы оставались внизу.

— Что там? — крикнул Егор.

— Старые банки, грязная тряпка, — донёсся голос. — И кое-что под доской. Сейчас сниму.

Минута тянулась долго. Над головой скрипнуло железо. Я машинально отступил от ствола.

Наконец эксперт показал нам через край площадки предмет, который обнаружил в тканевом чехле.

Бинокль. Старый, с потёртым кожаным ремешком и повреждённым наглазником.

— Рабочий? — спросил я.

— Не проверял. Сначала фиксируем.

Рядом с биноклем нашли сложенный газетный лист и алюминиевую кружку. Всё это могло лежать здесь много месяцев. По виду мы не могли сказать, кто пользовался площадкой и когда.

Поляков поскрёб щёку.

— Знаете, что мне не нравится? Это не из тех мест, куда случайно заберёшься. С тропы не видно. Либо строил знающий человек, либо ему показали.

— Охотники? — спросил Егор.

— Возможно. Я старых спрошу.

Я отошёл на несколько метров влево и поднял глаза. Теперь маленькая крыша совсем исчезла за ветками. На краю поляны внизу ходили люди, похожие отсюда на тёмные фигурки.

— Если кто-то сидел там, он мог наблюдать за семьёй, — сказал я.

— Мог, — ответил Егор. — Но пока это просто домик с биноклем.

— Знаю.

И всё-таки я представил, как человек неподвижно сидит наверху, слушает ручей и ждёт, когда на берегу погаснет огонь. От этой картинки стало неуютно. Я отвернулся к лесной тропе: там стоял Поляков и ждал, пока мы закончим осмотр.

Саблин спустился последним. Он убрал находки в пакеты и напомнил, что нужно отдельно проверить владельцев охотничьих участков, подростков из ближайших посёлков и тех, кто работал на вырубке. На этом перечень не заканчивался.

Когда мы возвращались вниз, Егор показал на мой блокнот.

— Нарисуешь домик?

— Конечно.

— Только нарисуй ещё лестницу. А то через неделю вспомнишь, что туда можно было попасть на лифте.

Я впервые за весь подъём улыбнулся.

***

Когда эксперты закончили основную часть работы, мы уже собирались возвращаться. У выезда дорогу преградил автомобиль, из которого вышли двое мужчин с папками и конвертом фотографий. Они представились родственниками Ковалёвых и попросили поговорить со следователем. Один держал снимок так крепко, что край бумаги загнулся под пальцами.

— Мы не помешаем? — спросил первый. — Нам сказали, вы стоянку нашли. Мы вещи привезли, которые у них были.

Сергей Анатольевич попросил их не проходить к месту осмотра и предложил поговорить возле машин. Мужчины послушно остановились. Я видел, как им хочется заглянуть за плечи сотрудников, туда, где мог остаться хоть какой-то след жизни близких.

Один достал список: складное кресло, полотенца, детская пластмассовая чашка, банки с продуктами. Второй показал семейные снимки из прежней поездки. На одном старший мужчина держал банку светлого пива. Рисунок на ней напоминал тот, что мы видели у ручья.

— Похоже на нашу находку, — тихо сказал Егор.

— Похоже. Пусть эксперт сверит этикетку и дату выпуска.

Мы записали, что именно родственники узнали на фотографиях, и договорились сверить вещи по списку. Банки выпускали тысячами, но сочетание нескольких предметов и место стоянки могли оказаться важными.

Второй мужчина достал снимок из бумажного конверта. Двое детей в зимних шапках лепили снеговика. У мальчика варежки были мокрыми и тёмными, девочка держала в руках снежный ком.

— Не знаю, зачем вам это, — сказал мужчина. — Просто подумал, вдруг пригодится.

Я осторожно взял фотографию за край.

— Спасибо. Мы сделаем копию и вернём. А пока расскажите, где они обычно отдыхали. Может, у них были любимые места.

Мужчина посмотрел на снимок, потом на меня и начал вспоминать. Сначала неуверенно, затем всё спокойнее: как они выбирали площадку под палатки, кто готовил еду, кто всегда забывал дома фонарик. Я почти не перебивал. Среди этих бытовых деталей могли быть сведения о маршруте, но дело было не только в этом. До разговора мы искали шесть человек из протокола. Теперь перед нами снова возникала семья.

— Вы не сможете вернуть их, — сказал один из мужчин, когда разговор подошёл к концу.

Я выдержал его взгляд.

— Нет. Но мы можем попытаться выяснить, что произошло.

Он медленно кивнул. Больше ничего не спросил.

***

Под вечер мы ещё раз вышли к поляне. На этот раз без большого числа людей: основные следы уже зафиксировали, а мне хотелось увидеть, как меняется обзор при другом освещении. Вода шумела ровно, у камней темнела мокрая зола. Там, где начинался подъём к найденной площадке, Саблин заметил ветку, срезанную почти без расщепления, и сфотографировал её. Я вспомнил свежие срезы над домиком. Сравнить их могли специалисты — и только если найдётся с чем.

На другой стороне тропы мы нашли такую же тройку черточек — уже потемневшую, в старой коре. Поляков вспомнил, что здесь когда-то отмечали границу лесосеки. Чтобы не спорить о возрасте на глаз, Саблин сфотографировал обе группы зарубок. Было неприятно обнаружить, как охотно мы принимаем свежую отметину за намеренное послание, если рядом уже случилось страшное.

— Ты всё ещё думаешь, что с дерева наблюдали за Ковалёвыми? — спросил Егор.

— Думаю, надо установить, кто там сидел и когда. Наблюдать могли хоть за рыбаками. А могли за этой стоянкой.

Поляков показал на тропе два поворота, которые отсюда сливались в один. Мы отметили их на схеме и пошли назад, пока совсем не стемнело. На гребне над ручьём уже нельзя было различить площадку, хотя теперь я точно знал, куда смотреть.

На базе в столовой работал телевизор. В вечернем выпуске уже говорили о «лесном чудовище». Наумов без комментариев убавил звук. Саблин взял пульт и выключил экран совсем.

— Пока за чудовищем охотятся, про обычного человека можно забыть, — сказал он.

Егор отодвинул карту от тарелки.

— Тогда будем искать обычного. С машиной и дорогой.

Позднее Зоя Павловна поставила у крыльца небольшой мангал и позвала нас к ужину. В столовой стало душно от мокрых курток, и все охотно вышли наружу. Саблин принёс тарелку с хлебом, Поляков — старые складные стулья. Наумов долго искал место, где не дымило прямо в лицо, но ветер менялся каждый раз, когда он пересаживался.

— Евгений Александрович, вы с ветром сейчас спорите? — поинтересовался Егор.

— Озеров, у ветра хотя бы есть уважительная причина не слушать приказы.

Саблин засмеялся и едва не уронил хлеб. Несколько минут мы обсуждали, кому достанется самая горячая картошка и кто опять оставил мокрые ботинки у печки.

Потом Поляков рассказал, как однажды заблудился у охотничьего домика в двух километрах от собственного посёлка.

— Ночью слышу голоса. Думаю, люди. Иду на звук. А это радио в сторожке, окно открыто.

— А если бы не радио? — спросил я.

— До утра бы круги наматывал. Там за ручьём каждый холм похож на соседний.

— Значит, на дерево мог залезть и приезжий, — заметил Егор.

— Залезть — да. Найти ту площадку без подсказки — сложнее. Но не путайте «сложнее» с «не мог».

Наумов достал из кармана спички и посмотрел на Полякова.

— Утром проверьте, кто в этих кварталах имел разрешения на охоту. И спросите про самодельные площадки. Без фамилий по слухам, нужны люди, которые видели строителей.

Мы вернулись к еде. Я смотрел на огонь под мангалом и думал, что утром снова окажусь у другого кострища, где шестеро, возможно, ужинали так же спокойно. От этой мысли захотелось немедленно позвонить домой.

Наумов спросил, все ли успели поесть. Егор подвинул мне хлеб. Саблин поставил тарелку так, чтобы до неё могли дотянуться остальные. Мы говорили уже тише, но никто не торопился уходить в комнаты.

Потом у Полякова зазвонила рация. Разговор оборвался сразу. Сообщение было обычным: группа вернулась с дальнего участка, находок нет. Поляков убрал рацию, и все опять занялись ужином. Только прежней лёгкости уже не было.

Я подумал о Насте, Марке, о том, как они, наверное, заканчивают свой вечер дома. Я вытащил телефон, нашёл Настин номер и не нажал вызов. Не знал, что скажу, когда она спросит, как прошёл день.

— Позвони, — негромко сказал Егор. — Ты уже три раза на экран смотришь.

Я удивился, что он заметил.

— Сейчас.

Отошёл от костра к крыльцу. В окнах горел жёлтый свет. За деревьями шумел ручей, который мы весь день пытались заставить рассказать о чужой беде. Он не рассказывал ничего.

Глава 5

На следующее утро мы с Егором поехали на заправку у выезда из посёлка. Небо висело низко, над полями тянулся туман. На обочине стояли грузовики с грязными колёсами; водители курили возле кабин и поглядывали на нас, когда мы проезжали мимо.

На кассе работала женщина с бейджем «Тамара». Услышав фамилию Ковалёвых, она быстро кивнула.

— Их помню. Мальчик шоколадку покупал. Мелочь всю на прилавке разложил и пересчитывал. Девочка смеялась, а отец даже не поторопил.

Говорила она уверенно и даже оживилась, когда мы начали записывать. Я попросил не спешить с фотографиями и сначала вспомнить всё, что осталось от той поездки само по себе.

— Пожилой мужчина выходил из машины, — продолжила Тамара. — Кажется, светлая куртка на нём была. Воду купил. Спрашивал, где хорошая грунтовка начинается.

— А второй водитель? — спросил Егор.

— Молодой сказал, что у него карта есть. Они ещё посмеялись между собой.

— Вы слышали, о чём они говорили?

— Нет, только последнее.

Я видел, как женщина старается честно восстановить разговор, но вместе с воспоминаниями приходит что-то уже знакомое по газетам. Она запнулась на слове «пятница»: точный день оказался куда труднее вспомнить, чем мальчика с монетами.

— Вы уверены, что это была именно та пятница? — спросил я.

Она отвела взгляд к расписанию смен.

— Я работала, это точно. А вот дату… лучше по кассе смотреть.

— Так и сделаем.

Мы прошли в подсобку. На старом мониторе дёргалось зернистое изображение въезда. Охранник объяснил, что после отключения электричества часы регистратора сбились, и дату никто не поправил.

— Значит, время на записи нужно сопоставлять с чеками, — сказал Егор.

— И с вашим журналом смен, — добавил я. — Иначе перепутаем дни.

Тамара согласилась зафиксировать показания официально. Мы поблагодарили её, попросили сохранить записи и вышли к автомобилю.

— Она правда их запомнила, как думаешь? — спросил Егор.

— Возможно. Мальчик с монетами — довольно живая деталь. Но это не объясняет, когда они приезжали. Посмотрим запись.

Егор убрал ручку в карман.

— Значит, снова за бумагами.

— Зато потом не будем спорить, какая была пятница.

***

В магазине рядом с заправкой нашёлся чек на консервы, минеральную воду и пиво. Список покупок был обычным для поездки с палатками. Продавец вспомнила рыжеволосую девочку, которой разрешили выбрать конфеты, однако уверенно назвать день не смогла.

Мы дождались копий записей и просмотрели их на служебном компьютере в районном отделе. Егор наклонился к монитору и отмечал время машин, ехавших следом за двумя автомобилями, предположительно принадлежавшими Ковалёвым.

Грузовик с сеном. Тёмная легковая. Небольшой фургон местного предприятия.

— Постой, — попросил Егор. — Верни на несколько кадров.

На выезде появился тёмный автомобиль. Через несколько часов похожая машина прошла обратно. Номер на изображении расплывался, при увеличении превращался в серое пятно.

— Мог ехать за ними, — сказал Егор.

— Мог. А мог просто пользоваться этой дорогой.

— Я не говорю, что это убийца. Но маршрут проверить стоит.

Мы записали время с поправкой на сбитые часы регистратора и отправили сведения для проверки. Егор несколько раз прокрутил одни и те же кадры, но номер так и остался неразличимым.

— У нас хоть что-то появилось, — произнёс он.

— Появился вопрос, — ответил я. — Но уже конкретный.

Я записал время и направление. Здесь хотя бы была запись, к которой можно вернуться и которую могли проверить другие.

***

Остаток дня мы провели на дорогах между посёлками. Заезжали туда, где, по словам жителей, часто останавливаются приезжие. В первом магазине рыжий кот лежал на старых весах. Хозяйка, увидев удостоверения, отодвинула тетрадь с записями о покупках в долг.

— Ваших здесь нет, — сказала она. — Но недавно какие-то люди спрашивали дорогу к Старому броду.

— Когда? — спросил я.

— Недели две назад. Может, раньше. Летом все сюда ездят.

Егор заметил возле двери схему доставки хлеба. На ней было четыре маршрута, отсутствовавших на нашей туристической карте. Мы сфотографировали схему с разрешения хозяйки и поехали к водителям, которые пользовались этими дорогами ежедневно.

Один из них, Николай, рассказал о старой железнодорожной насыпи. По ней, оказывается, можно было выйти к лесному проезду, минуя часть трассы. Он много лет развозил по деревням продукты и знал, где дорогу подмывает после дождя, а где грузовику удаётся проехать даже зимой.

— Белых фургонов полно, — сказал он, проводя пальцем по карте. — И продукты возят, и запчасти. Если всех искать, вам месяца не хватит.

— А мы не всех ищем, — ответил Егор. — Нам нужен конкретный, с определённым маршрутом.

— Тогда ещё к лесопилке съездите. Там всё время кто-нибудь сворачивает.

Я отметил его слова. Мы не знали, был ли Fiat увезён по одной из этих дорог, но теперь хотя бы понимали, что наша карта неполная.

Поляков дозвонился нам, когда мы выезжали из посёлка. По утренним разговорам выяснилось, что площадку на сосне знали несколько охотников, но никто не признавал её своей.

— Один говорит, ещё до него стояла, — сообщил он. — Другой уверяет, что крышу кто-то менял прошлой весной. И оба клянутся, что бинокля там никогда не было.

— Охотники часто туда поднимались?

— После закрытия старого проезда редко. Но спрашиваю дальше.

Я попросил не ограничиваться охотниками: рядом были вырубки, рыбачьи стоянки, дети из посёлков. Бинокль мог принести кто угодно, и неизвестно, был ли он вообще связан с Ковалёвыми.

— Что по газете? — спросил Егор, когда я закончил разговор.

— Саблин проверит дату и следы на чехле. Пока она только бумага, которая лежала под доской.

— А я надеялся, что там будет записано имя хозяина.

— С адресом и расписанием?

— Было бы удобно. Мы же в отпуске, не забыл?

Я усмехнулся. Дальше начиналась дорога к лесопилке. За забором громыхала цепь, и на ветру хлопала вывеска с правилами техники безопасности. Ни на одной схеме этого проезда не было.

За следующим поворотом дорога пошла между домами. Во дворе одного из них куры бросились врассыпную, когда Егор притормозил. Хозяйка вышла к калитке раньше, чем мы успели постучать.

— Я же говорила вашим! — начала она. — Машина здесь пролетела, кур перепугала. Я ещё кричала вслед.

— Какого цвета была? — спросил я.

— Зелёная… Нет, серая. По телевизору такую показывали.

— Водителя видели?

— Кепка на нём была. Лица не видела, я из окна кричала.

— Тогда давайте отдельно, — предложил я. — Что вы точно видели из окна, а что узнали позже из новостей?

Она замолчала. Потом отступила от калитки, чтобы показать, откуда смотрела. Оказалось, обзор перекрывали кусты, и она могла видеть машину всего несколько секунд.

— Фургон-то был, — настойчиво сказала она.

— Не спорю. Просто нам важно не ошибиться с датой и машиной.

Соседка, которую она позвала, принесла настенный календарь с записью о визите к врачу. Женщины начали выяснять, какой именно день был накануне поездки. Мнения не совпали, и разговор быстро перешёл в спор.

— Не нужно договариваться об одной версии, — остановил их я. — Лучше каждая расскажет то, что помнит сама.

После этого обе успокоились. Хозяйка показала старый проезд за домами, который вёл через лес к другой деревне. На нашей схеме там заканчивалась улица.

Мы прошли несколько сотен метров. Асфальт перешёл в щебень, затем в мягкую землю. По обочинам стояли потемневшие пни. Егор достал карту.

— Здесь дороги вообще нет.

— Теперь будет, — сказал я и поставил отметку.

В этот момент завибрировал телефон. Валерия оставила сообщение с просьбой позвонить, когда освобожусь. Я решил сначала закончить осмотр. Егор ещё проверял, можно ли проехать здесь на высоком фургоне, а я сфотографировал начало колеи и записал ориентиры.

Когда мы вернулись к машине, мне на мгновение показалось, будто за огородами кто-то стоит. Невысокая тёмная фигура мелькнула между ольхой и сараем, затем исчезла. Я подождал, прислушиваясь к петухам за соседним забором.

— Что? — спросил Егор.

— Человек был у кустов.

— Местный?

— Не разглядел. Может, мальчишка.

Егор осмотрел тропинку. У сарая стоял велосипед с кривым передним колесом, дальше начинались чужие дворы. Мы не стали идти за кем-то по частной территории без причины. Я только записал место. У меня уже второй раз возникало чувство, будто за нами следят. Доказательств не было, а неприятное ощущение оставалось.

***

На обратной дороге мне позвонили с незнакомого городского номера. Мужчина представился сотрудником межведомственной группы. Он произнёс мою фамилию, попросил подтвердить личность и сообщил, что меня ждут для беседы по старому делу.

— По какому именно? — спросил я, отходя от дороги.

— Обсудим при встрече. Уведомление направим через ваше руководство.

— Я сейчас в командировке. Работаю по делу об убийстве семьи.

— Нам известно. Время согласуете с начальником.

Разговор закончился.

Я ещё несколько секунд держал телефон возле уха. Никакой фамилии он не назвал, но мне сразу вспомнился Стас Гончаров. Его лицо, старые бумаги, разговоры, после которых я долго пытался убедить себя, что тогда сделал всё правильно.

— Кто звонил? — спросил Егор, когда я подошёл к машине.

— Из Ростова. Просят приехать на беседу.

— По нашему делу?

— Нет. По старому.

Егор внимательно посмотрел на меня, но не стал расспрашивать при чужих. Он открыл водительскую дверцу и подождал, пока я сяду.

— Проблемы? — спросил он уже в машине.

— Пока не знаю.

Я не сказал больше. Дело было не в недоверии к Егору. Просто существовали события, о которых я сам не научился говорить коротко и понятно. Каждый раз, когда вспоминал Стаса, рядом возникали другие имена и решения, которые тогда казались оправданными. И теперь кто-то собирался задать вопросы, к которым я, похоже, не был готов.

Егор завёл двигатель.

— Сначала закончим здесь. Потом разберёмся, — сказал он.

Я кивнул, хотя понимал: иногда два дела не удаётся держать раздельно только потому, что очень хочется.

***

Вечером Поляков принёс свежую сводку. Поиски Fiat результата не дали. Наумов обвёл на карте две дороги, ведущие в противоположные стороны от места, где могла находиться стоянка.

— Мы ищем машину и человека, который мог её переместить, — сказал он. — Это не обязательно одна задача. Не привязывайтесь к самой удобной версии.

Я вспомнил тёмную машину на записи и женщину с курами. Одна дорога подтверждалась камерой, другая — сбивчивыми словами. Сравнивать их как равные доказательства было нельзя. Но и отбрасывать вторую только из-за неуверенного свидетеля мы не имели права.

В штаб заглянул молодой корреспондент. Просил разрешить снять карту поисков. Говорил быстро, уверял, что чем больше людей увидят направление работы, тем скорее найдётся преступник.

— Общие сведения дадим, — ответил Наумов. — Число групп, район поиска, телефон для свидетелей. Рабочую карту снимать нельзя.

— Но людям надо знать, что вы делаете!

— И мы расскажем, что можем, — сказал Егор. — Только если покажем конкретные дороги, их увидят не только помощники.

Корреспондент замолчал. Мне показалось, он действительно хотел помочь, а не получить сенсацию любой ценой. Но от этого карта не становилась безопаснее для публикации.

Когда он ушёл, Наумов попросил нас подготовить вопросы для новой ориентировки. Мы указали возможные встречи двух автомобилей, направление движения, записи видеорегистраторов. Не стали подсказывать ни внешний вид предполагаемого преступника, ни число участников. После разговора с женщиной у калитки я особенно хорошо понимал, насколько легко чужое описание может закрепиться в памяти как собственное.

Когда текст согласовали с районным следователем, я вышел во двор и набрал Настю. Она ответила не сразу; на заднем плане кто-то громко спорил о заголовке.

— Ты на работе? — спросил я.

— В редакции. Кость, что у вас?

— Готова новая ориентировка по белому Fiat. Только официальная версия, без схем поиска и догадок. Можно передать вашему выпускающему редактору? Нужны люди, которые действительно видели машину до того, как начались телевизионные разговоры.

— Пришли текст и номер для звонков. Я сверю, что разрешено печатать, и поговорю с дежурным редактором. Заголовок вроде «Убийца среди нас» сразу вычеркнем.

— Спасибо. И не публикуй ничего от моего имени.

— Ты ещё скажи, что я первый день работаю, — ответила она, но без раздражения. — Как ты там сам?

Я посмотрел на мокрую площадку перед штабом. Поляков с двумя поисковиками выгружал из УАЗа пустые канистры.

— Плохо спим. Много ездим. Пока всё.

— Тогда я напишу вечером. Марк хотел показать тебе новую взлётную полосу. Только не перепутай служебный номер с нашим домашним.

После разговора я вернулся к Наумову с согласованным текстом. Настя могла помочь передать проверенную просьбу о свидетелях. Но расследование оставалось в руках тех, кто отвечал за него.

Позже вечером из соседнего района позвонил мужчина, уверявший, что видел белый Fiat возле грузовой станции. Он назвал время и место. Через полчаса перезвонил и добавил человека в тёмной куртке. Ещё позже сказал, что куртка, возможно, была синей.

Егор записал все три сообщения.

— С каждым звонком подробностей больше, — заметил он, положив телефон.

— Это не обязательно означает выдумку. Иногда люди вспоминают по частям. Проверим станцию и машину.

После ужина Егор задержал меня в коридоре. В руках он держал два полотенца, которые Зоя Павловна велела повесить возле печки.

— Ты опять весь день с телефоном ходишь, — сказал он.

— Все с телефоном ходят.

— У тебя лицо другое. С Ростовом связано?

Я пожал плечами. Он не торопил.

— Если старое дело действительно подняли, там могут спросить, почему я тогда не рассказал всего сразу.

— Могут, — согласился Егор.

— Ты даже не спросишь, о чём речь?

— Спрошу. Когда сможешь ответить. Только не делай вид, что всё у тебя нормально.

Он протянул мне полотенце.

— Держи. И иди спать. Завтра снова кататься по этим дорогам.

Я повесил полотенце на верёвку возле печки. Утром оно наверняка останется влажным. Но почему-то именно этот простой разговор помог больше всех попыток убедить себя, что старое дело можно пока не замечать.

Ночью я почти не спал. Оставалось неприятное ощущение незаконченного разговора с Ростовом. Я вспомнил сообщение Валерии и несколько раз открывал её номер. Перезвонить следовало ещё днём. После разговора с незнакомцем мне почему-то не хотелось слышать новые известия из Ростова. В конце концов я убрал телефон и долго слушал, как ветер стучит веткой в окно.

***

Утром на грузовой станции быстро выяснилось, что похожий белый фургон принадлежал местному предприятию. Водитель всю ночь разгружал овощи. Журналы и документы подтвер-

дили его слова, а на задней двери автомобиля красовалась наклейка с улыбающимся помидором.

— Теперь хоть узнаете меня сразу, если снова позовёте, — сказал мужчина, показывая на наклейку.

Егор поблагодарил его за терпение. Мы вышли из двора станции, и он достал блокнот.

— Надо отдельную папку сделать: «Проверено — не подтвердилось». Иначе через неделю кто-нибудь опять поедет сюда.

— Хорошая мысль. Туда же свидетелей, которые перепутали даты.

Мы закрыли ещё одну версию и положили документы отдельно. Егор записал на обложке дату проверки, потом откинулся на сиденье.

— У меня скоро будет любимая папка, — сказал он. — Та, где ничего не подтвердилось.

— Зато по ней не придётся ездить второй раз.

Он кивнул и завёл машину.

По дороге назад я смотрел на старые пути, уходившие за станцию. Fiat по-прежнему не был найден. А в Ростове тем временем достали из архива дело, которое я старался оставить в прошлом.

Егор держал руль обеими руками и молчал. Он, кажется, понимал, что сегодня я не готов рассказывать больше.

Я достал телефон и нашёл сообщение Валерии. Надо было перезвонить. Но прежде я открыл папку Ковалёвых, посмотрел на фотографию шестерых людей и перелистнул к карте.

Я вернулся к дорогам и отметкам. Дальше предстояло проверить новые сведения о площадке над ручьём и разобраться, по каким из найденных проездов могли уйти автомобили. На карте ещё оставалось много неизвестных дорог. А в Ростове ждали решения, которые я когда-то принимал сам.

ЧАСТЬ 2 · ДВЕ МАШИНЫ

Глава 6

Утром Саблин разложил на столе первые заключения. На краю папки торчали серые фотографии обгоревшего кузова, рядом лежали материалы осмотра площадки на сосне. Последние были куда менее страшными на вид: бинокль в чехле, алюминиевая кружка, сложенная газета. Я придвинул к фотографиям машины снимок бинокля. Саблин молча переложил его в отдельную стопку.

Предварительные заключения не объясняли, что произошло до пожара. На части останков эксперты обнаружили признаки огнестрельных повреждений, но сколько было выстрелов, когда именно погибли люди и что происходило до пожара, пока оставалось неясным. По обугленному кузову тоже нельзя было уверенно назвать место, откуда начался огонь. Металлическую деталь, найденную на поляне, отправили в лабораторию.

— Это предварительные результаты, — напомнил Саблин. — И по машине, и по вашим лесным находкам. Газета может оказаться старее этой истории на полгода. Бинокль — ещё старше. Не собирайте нам преступника из того, что пока просто лежало в одном лесу.

Я отложил лист. Саблин говорил не сердито, но мне было неприятно, что он угадал мою мысль. Снимок площадки я всё ещё держал в руках. И мне не нравилось, как быстро взгляд сам находил на нём место для невидимого человека.

Мы собрались в столовой базы, сдвинув два стола к окну. Поляков прижал карту сахарницей, чтобы она не сворачивалась. Егор взял карандаш, Наумов сел напротив нас. У Саблина возле локтя лежали фотографии с места находки. Зоя Павловна заглянула спросить, не нужен ли ещё кипяток, но, увидев бумаги, тихо прикрыла дверь.

За окном ветер гнал по двору мокрые листья. В комнате пахло вчерашним дымом из печки и крепким чаем. Никто не начинал разговор, пока Наумов не указал на ложбину.

— Почему легковая оказалась внизу? — спросил Наумов.

— Её могли намеренно спустить туда, — сказал участковый. — На спуске плохое сцепление, но само собой машина так аккуратно не съедет.

— По рулю и сиденьям ещё будут выводы экспертов, — заметил Саблин. — Сейчас рано рисовать путь машины.

Егор тихо толкнул меня локтем.

— Чай остынет, — сказал он. — Ты уже полчаса его сторожишь.

— Я слушаю.

— Угу. Особенно сахарницу.

Я перевёл взгляд на карту. Под карандашом действительно образовалась тёмная ямка. Почти не спал ночью: перед глазами стоял багажник сгоревшей машины, а вслед за ним — деревянная площадка над ручьём. Две картинки упорно не хотели оставаться раздельными.

Я поставил на чистом листе три точки: стоянка у ручья, место, где нашли легковую, и развилка к старому лесовозному проезду. Провёл между ними линии, затем перечеркнул одну и нарисовал другую. На карте путь выглядел коротким. В лесу мы вчера потратили бы на него не меньше часа.

— Если один человек перемещал оба автомобиля, ему понадобился способ возвращаться к оставленной машине, — сказал я. — Пешком, на попутной машине, с чьей-то помощью. Поляков может показать короткие тропы, но сначала надо измерить время каждого пути. Если людей было двое, задача проще, только доказательств второго у нас нет.

Я попросил Полякова составить не одну красивую линию, а три маршрута: от стоянки к месту пожара, оттуда к возможному съезду для Fiat и назад к ручью без автомобиля. Он удивился третьему, но согласился. На каждом отрезке нужно было отметить подъёмы, прохо-

димость ночью и возможность идти с грузом. Так мы хотя бы увидим, сколько времени один человек не мог бы быть сразу в двух местах.

— И если один, то ему ещё нужно было знать, куда идти, — добавил Егор, наклонившись над листом.

— Да. Но знание дороги не делает его местным автоматически. Мы сами за эти дни начали разбираться в тропах.

Наумов забрал у меня карандаш и поставил рядом с двумя точками вопросительные знаки.

— Хорошо. А теперь назовите, что проверим сегодня. Только то, что можно проверить.

Егор предложил пройти короткие связки между дорогами. Поляков обещал дать двух добровольцев, которые знали старые тропы. Саблин попросил осмотреть обочины на предмет следов буксировки, а местный следователь — ещё раз сверить записи камер по возможным маршрутам Fiat.

Я записал задачи, пока Наумов уточнял, кто за что отвечает. Мне нравилось, что он не торопил нас с красивым объяснением. Вчера возле машины я успел нарисовать в голове несколько версий. Сегодня у каждой требовалось найти хоть какое-нибудь подтверждение.

Мы повторили исходные сведения: шестеро выехали на двух автомобилях; в легковой обнаружены останки шести человек; белый Fiat не найден. Стоянка у ручья могла принадлежать семье, но окончательные результаты ещё не пришли. Отдельно стоял вопрос о площадке с биноклем: когда и кем она использовалась.

— Только не называйте пока людей «пересаженными», — заметил Саблин, когда я так выразился. — Мы ещё не установили последовательность.

Я вычеркнул слово. Наумов молча передвинул ко мне лист с заданиями.

Поляков развернул обновлённую карту поисковых квадратов. Красным он обвёл участки, куда группы не сумели пройти из-за оврагов, а синим — дороги, проверенные по два раза. Пропусков оказалось больше, чем мы думали.

— Сначала думали, что семья потерялась, — сказал Поляков. — Искали кострища, голоса, следы палатки. Теперь ищем следы двух автомобилей и тех, кто мог их перемещать. Это другая работа.

Один из добровольцев спросил, не перестанут ли люди помогать после известий о гибели детей. Поляков смотрел на него несколько секунд, затем ответил:

— Не перестанут. Но надо объяснить каждому, что самовольные поиски портят следы. Пусть приходят в штаб, там выдадим участок и рацию.

Следователь перечислил вопросы, которые ещё предстояло задать экспертам: когда были открыты двери легковой, могли ли часть повреждений нанести во время осмотра, откуда взялось горючее. По ряду пунктов ответов не было. Я записывал, стараясь отделить собственную работу от той, которую должны выполнить специалисты. Догадываться вместо них было бы легко и неправильно.

Наумов уже собирался закрыть совещание, когда Поляков достал из куртки клетчатый листок.

— По вашему домику узнал кое-что. Один охотник помнит его ещё без крыши. Другой говорит, что прошлой весной железо там было новое. Сейчас оба уверяют, будто никогда туда не залезали.

— И кому верить? — спросил Егор.

— Время покажет. Завтра привезу третьего, он старые кварталы фотографировал. Может, на снимке будет видно, что там стояло раньше.

Саблин передал мне фотографию бинокля.

— Чехол прорван возле ремня. На подкладке следы грязи, возможно, от рук. Полезного пока ничего. Газету можно датировать по выпуску, только это скажет, когда её напечатали, а не когда туда положили.

— А на площадке свежие срезы, — напомнил я.

— Срезы — да. Но не забывайте: ветки могли убрать, чтобы крыша не протекала. Или чтобы смотреть на ручей. Это две разные причины, и ни одна не означает убийства.

Я убрал снимок в папку. Угол с газетой был заляпан, но сохранился заголовок о ремонте трассы. Обычная газетная строка посреди неожиданно страшной истории.

— Я хочу посмотреть на площадку снизу и сверху при одном освещении, — сказал я.

— Посмотрите, — ответил Наумов. — Только с экспертами. И возьмите человека, который знает дорогу. Мы здесь не ради того, чтобы потерять ещё одного сотрудника.

К полудню мы вернулись к месту первой находки. Над машиной уже стоял тент, вокруг — небольшие метки, оставленные экспертами. Дорога стала узнаваемой, и от этого было не легче. В первый день я смотрел на обгоревший кузов и не мог заставить себя думать о деталях. Теперь деталей было множество, но они по-прежнему не складывались в объяснение.

Я остановился возле открытой дверцы. В голове невольно возникали обрывки возможных событий: кто-то садится за руль, осторожно ведёт автомобиль вниз, выходит на мокрую землю. А потом огонь. Я заставил себя остановиться. Ни одного из этих движений я не видел и не мог пока подтвердить. От того, насколько убедительно я их представлю, правдой они не станут.

— Хочу понять путь от этой машины к Fiat, — сказал я Егору. — Хотя бы какие варианты мы не можем исключить.

Егор посмотрел на склон, потом на мои ботинки.

— По дороге отсюда всё ясно не станет. Пойдём ногами.

За просекой нам встретилась поисковая группа. Двое несли палки с яркими лентами, третий — коробку с найденным на склоне металлом. Каждая вещь лежала в своём пакете. На первый взгляд это был ржавый сельскохозяйственный инструмент, но Поляков попросил отметить место находки. Ненужную вещь легче было признать ненужной после проверки, чем через неделю пытаться вспомнить, где её заметили.

Молодой доброволец, по носу которого текла дождевая вода, узнал нас возле поворота.

— Скажите, зачем машину сожгли? — спросил он. — Если там уже были мёртвые, зачем ещё огонь?

— Я бы и сам хотел это знать, — ответил я. — Есть несколько объяснений. Проверяем, какое из них подтверждается следами.

Парень немного помолчал, потом спросил о детях. Я сказал, что личности устанавливает экспертиза. Он кивнул и поправил мокрую шапку. По его лицу я видел: ответа он не получил. Но другого у меня пока не было.

На стоянке у ручья Саблин показал мне перемешанный грунт у въезда. Возможно, машина разворачивалась там, возможно, колею оставили раньше. Дожди размыли отпечатки так, что рисунок протектора уже не различался.

— Пока невозможно сказать, чьи это следы, — заметил Саблин, проверяя рулетку.

— Но ширину прохода измерить можно? Если у ручья стояли оба автомобиля, они должны были как-то разъехаться.

Он замерил расстояния между стволами и показал, что и легковая, и высокий Fiat могли сюда попасть. Этого было недостаточно для вывода о двух водителях. Я представил обоих за рулём — и тут же одного человека, который после первой поездки возвращается пешком. Каждая картинка казалась возможной. Пока стоило записать обе, не выбирая любимую.

Позднее мы с Егором прошли часть обратного пути без остановок. Я засёк время, потом мы повторили его, как шёл бы незнакомый человек в темноте. Получилась заметная разница. Поляков только махнул рукой: местный, если не станет блуждать, срежет ещё несколько минут,

но после дождя и он не побежит по склону. В блокноте появились не часы преступления, а границы возможного.

Пока Саблин мерил проезд, я попросил Егора пройти к холму, откуда виднелась площадка. Отсюда крыша исчезала за сучьями. Человек, который не знал о её существовании, едва ли стал бы искать её глазами.

— Чувствую себя на сцене, — сказал Егор. — А зрителей не видно.

— И это тебе не нравится?

— Мне не нравится, что мы даже программу представления не знаем.

Он подошёл ближе к кострищу и поднял голову.

— Если бы я сидел наверху, видел бы, кто подъезжает. Но возле воды не всё различишь.

— Ветки закрывают правый край берега, — сказал я. — Если их срезали недавно, раньше обзор был ещё хуже.

Саблин принёс снимок двух торцов. Дату срезов по виду он назвать не мог. Попросил не трогать дерево: образцы уже взяли. Мне хотелось, чтобы эти срезы оказались частью умысла. Я посмотрел на побелевшие торцы ещё раз — возраст они от этого не выдавали.

Под вечер приехала специалист областной криминалистической лаборатории Тамара Павловна. Невысокая женщина в тёмном пальто, она занесла в штаб тяжёлую сумку и сразу попросила показать ей материалы осмотра. Наши версии её не интересовали.

— Сначала снимки и протоколы, — сказала она, снимая перчатки. — Потом ваши предположения. Иначе начнём искать на каждом повреждении то, что успели себе придумать.

Мы освободили стол. Егор сложил тарелки на соседний подоконник и подвинул лампу ближе к фотографиям. На общем снимке обгоревший кузов помещался целиком, вместе с обочиной и тентом. Когда Тамара Павловна выложила крупный снимок дверного проёма, я снова ощутил резкий запах гари.

Хотя куртку я успел проветрить, мне всё казалось, что он остался на рукавах. Я незаметно потер ладонью запястье. Егор, сидевший рядом, ничего не сказал, только подвинул мне стакан воды.

Эксперт спокойно объясняла, какие признаки уничтожил пожар и что ещё можно исследовать на уцелевших участках кузова и под слоем нагара. По расположению останков только предстояло выяснить, перемещали ли погибших после смерти. Я слушал и ловил себя на привычном желании связать отдельные детали с чьими-то действиями. Именно поэтому сейчас было важно слушать не себя.

— А если людей было двое? — спросил Наумов.

— По этому столу я не могу ни подтвердить, ни исключить. Две машины не равны двум преступникам.

Саблин показал фотографии верёвки. Отдельные волокна обнаружили возле места отдыха, но магазинная верёвка могла продаваться в любом хозяйственном магазине области.

— Слишком обычная, — сказал он.

— Бывает, что именно обычные вещи оказываются полезными, — возразила эксперт. — Когда появляется конкретный предмет для сравнения.

После разговора с экспертом мы с Егором снова поднялись к соснам над поляной. К площадке больше не лезли: лестницу проверяли специалисты, и смотреть сверху уже было кому. Вместо этого встали на гребне, откуда начиналась узкая охотничья тропа.

Внизу за кустами поблёскивала вода. Деревья скрывали часть берега, зато кострище казалось лежащим прямо на ладони. Я невольно представил там шесть движущихся фигур — и быстро отвёл глаза. На поляне были только тёмная зола и вода между камнями.

— Видишь просвет справа? — спросил Егор. — Там не срезали ветки. Значит, смотреть можно было и без топора.

— Вижу.

Мы перешли на другую сторону ствола. Крыша исчезла. Если бы я не знал, куда направить взгляд, принял бы её за гнездо из сухих веток.

— Как думаешь, мальчишки сюда залезают? — спросил Егор.

— Очень возможно. И охотники. И любой, кому показали дорогу. Спросим Полякова, кто знал о площадке ещё до новостей об исчезновении.

Егор поднял с земли свою палку и ткнул ею в сторону тропы.

— Когда мы вчера спускались, там кто-то прошмыгнул. Не разглядел. Думал, поисковик.

— Один?

— Похоже. Невысокий. Ты ещё возле машины говорил, что видел фигуру за сараем.

Я вспомнил тёмный рукав среди кустов. Тогда я сам предположил, что это местный мальчишка.

— Может быть, один и тот же, — сказал я.

— Или два разных человека. Ты первый, кто мне это объяснит, — ухмыльнулся Егор.

Я хотел ответить, но на склоне в самом деле что-то хрустнуло. Мы замолчали. Поляков, стоявший дальше по тропе, окликнул нас. Из кустов вылетела сойка и скрылась между соснами. Я рассмеялся тише, чем хотелось: за эту неделю мне уже трудно было отличать обычные лесные звуки от тех, к которым прислушиваешься от страха.

— Завтра посмотрим, кто ходит здесь без группы, — сказал Егор. — А сегодня у меня ноги мокрые. Пойдём к живым людям.

На базе отключилось электричество. В коридоре было темно, из кухни доносился голос Зои Павловны: она искала свечи. Поляков вышел договариваться насчёт генератора, а Наумов велел убрать документы со стола, пока никто не опрокинул на них кипяток. Мы занимались этим почти на ощупь. После целого дня в лесу такая простая забота о бумагах почему-то успокаивала.

Пока мы ждали свет, к Полякову подошёл доброволец, который раньше возил дрова по старому лесному проезду.

— А фургон тоже сгорел? — спросил он, кивая в сторону карты.

— Его ещё не нашли, — ответил Поляков.

Мужчина помолчал, потом провёл пальцем по карте к дороге за холмом.

— Я сюда за дровами ездил. После дождя легковая не пройдёт, а трактор проходит. Если кто-то хотел спрятать большую машину, мог туда свернуть.

Поляков уточнил ориентиры и записал имя мужчины. Этот участок уже значился у него среди непроверенных, но рассказ помог понять, откуда удобнее подойти. Мы не стали отправлять людей в темноту. Решили сверить маршрут утром.

На кухне стояли свечи в стаканах. Зоя Павловна высыпала в миску картошку и объявила, что ужин отменяется только в том случае, если мы сами будем объяснять это голодным поисковикам.

— С сегодняшнего дня ем при любой погоде, — сказал Саблин, усаживаясь на табурет.

— Если б ещё ботинки свои из коридора убирал, — отозвалась хозяйка. — Я об них три раза споткнулась.

— Это не ботинки, это вещественные доказательства, — вставил Егор.

Наумов, уставший после переговоров с областью, на удивление улыбнулся.

— Озеров, оформите протокол. И вынесите их из прохода.

Мы подняли тарелки на подоконник, освободили стол от папок и ужинали при неровном свете. Саблин рассказал, как однажды у него на выезде пропали оба сапога. Нашлись на следующий день в машине водителя, который вёз вещи на просушку. Егор заявил, что сапоги сами сбежали от хозяина. Саблин пригрозил оставить его завтра без горячей воды.

Поляков пришёл с улицы, когда генератор наконец схватил. Он был в мокрой куртке и долго грел ладони над кастрюлей. Рассказывал о старой просеке, по которой когда-то возили

дрова. Там можно было спрятать большой автомобиль, но после дождя пройти удавалось только трактору.

— Звучит как место, где мы завтра застрянем, — заметил Егор.

— Потому со мной и поедете, — ответил Поляков.

Потом разговоры стихли. Кто-то занялся картами, Саблин снял носки и обнаружил на пятке новый волдырь. Я неожиданно вспомнил Марка, который дома раскладывал свои игрушечные машины по цветам, а потом сердился, если я ставил грузовик не в тот ряд.

Егор протянул мне карту из старой потрёпанной колоды.

— Играешь?

— Во что?

— В то, во что Саблин умеет проигрывать.

— Наконец-то меня вспомнили, — сказал Саблин из угла.

Мы сыграли две короткие партии. Наумов не участвовал, но несколько раз подсказал Егору так уверенно, что Саблин возмутился. Потом из коридора снова донёсся шум генератора, и мы по одному стали расходиться. Полчаса никто не говорил о деле. Саблин пересчитывал карты, Егор требовал реванша. Я поймал себя на том, что улыбаюсь, и не стал прятать улыбку.

Когда я закрыл за собой дверь комнаты, на столе ещё лежали две карты из игры, которые Егор забыл убрать. Я собрал их, потом посмотрел на свою схему леса. Одни и те же линии на бумаге могли обозначать путь к дому и путь в овраг, где спрятали машину. Всё зависело от того, кто и зачем по ним шёл.

Позднее я встретил Зою Павловну на крыльце. Она пыталась развесить мокрые полотенца, но ветер всякий раз срывал одно из них с верёвки. Я помог закрепить прищепку. Она поблагодарила, затем спросила, найдём ли мы того, кто это сделал.

— Постараемся, — ответил я. — Сейчас ищем вторую машину.

Она посмотрела мимо меня, на тёмную полосу леса.

— Раньше сюда семьи приезжали. Дети бегали, взрослые из-за палаток спорили, потом мирились. А сегодня за целый день никто не заехал. Я понимаю, что лес ни при чём. Только людям теперь страшно.

Я не знал, что сказать. Внутри на столе лежали карты и фотографии. На крыльце Зоя Павловна безуспешно расправляла полотенце, которое снова поднимал ветер. Я ещё раз поправил прищепку и не нашёлся, что ей ответить.

Когда я вернулся в комнату, Егор сидел над записями, но не стал звать меня к картам. Наумов уже закончил ночное совещание и ушёл спать. Я положил блокнот рядом с кроватью. Впервые за неделю мы не попытались решить всё до полуночи.

Поздно вечером Поляков получил сообщение о белом фургоне у железнодорожного переезда. Мы не поехали туда вслепую: попросили уточнить номер, приметы и время наблюдения. На карте рядом с переездом появился ещё один знак вопроса. Их становилось слишком много.

Перед сном позвонила Валерия. Я вышел в пустой коридор, чтобы не разбудить Егора: он ещё недавно уверял, что совсем не устал, а теперь уснул прежде, чем успел снять часы.

— Родственников почти всех опросила, — сказала она. — Обычные семейные ссоры были, серьёзного конфликта пока не видно. И ещё, Кость… В Ростове за тобой интересуются. Родину звонили из-за старого дела Стаса.

Я прислонился к холодной стене. Имя прозвучало так неожиданно, что на секунду я перестал слышать шум генератора за окном.

— Ты не ошиблась?

— Нет, не ошиблась. Если они будут спрашивать, постарайся вспомнить всё по порядку. Не для меня, Кость. Для себя. И не добавляй того, чего не помнишь.

Я поблагодарил её и вернулся в комнату. За окном метался в свете фонаря мотылёк. На столе лежала карта двух машин, и я никак не мог перестать смотреть на неё. Я закрыл папку с лесными дорогами. Вечером мне предстояло вспоминать совсем другой маршрут — к боковому входу в ростовский отдел.

Я погасил лампу. Сон не приходил. В голове снова и снова звучало одно имя: Стас.

Глава 7

Валерия позвонила утром, когда я пытался натянуть влажный сапог. Егор уже завёл машину, а из кухни пахло горячим хлебом. Я присел на кровать и зажал телефон плечом, стараясь не уронить шнурок.

— Я подняла старое заявление Екатерины Сергеевой, — сказала она без предисловия. — В документах фигурируют Стас Гончаров, Никита Власов. Эти фамилии тебе знакомы?

— Да.

Я так и остался сидеть с наполовину расшнурованным сапогом.

— А Непряев? Он тоже фигурирует?

— Да. Я видела его вчера в отделе. Кость, мне нужно понять, почему они спрашивают о тебе.

— Я расскажу. Только не по телефону: там несколько историй, и я сам не знаю, что из них подтверждено.

— Не прошу рассказывать сейчас, — ответила она. — Просто не хочу узнавать всё о тебе из чужого протокола.

Я пообещал перезвонить, как только смогу поговорить спокойно. Валерия напомнила, что запрос пришёл официально, с документами, и попросила не пытаться выяснять через знакомых, кто что показал. Я согласился. Раз появился официальный запрос, отделаться коротким разговором уже не получится.

Егор ждал у машины, прислонившись к дверце. В одной руке держал термос, в другой — ключи. Увидев меня, взглянул на часы, но ничего не сказал.

— Чай налил. Пока тёплый, — сказал Егор, протягивая крышку термоса. — Сегодня идём к площадке с биноклем, потом проверим деревни. И, Кость, если опять не поешь, Настя мне лично выговор сделает.

По дороге из посёлка он рассказывал о дальнобойщиках. Один уверял, что видел Fiat уже после исчезновения семьи, но описал боковую полосу, которой у машины Ковалёвых не было. Другой вспомнил белый фургон у кафе; номер оказался местным. Я кивал и смотрел на дорогу, пытаясь удержать в голове цифры и названия. Но мысли упрямо возвращались к Ростову.

Стас Гончаров вспоминался мне не по сводке о смерти. Сначала — по фотографии, которую кто-то когда-то положил передо мной в кабинете. Молодой парень с короткой стрижкой, беспокойным взглядом. Потом — по его разговору у бокового входа в отдел. Он говорил быстро, словно боялся, что его перебьют. После его гибели все слишком охотно употребляли слово «самоубийство», будто оно само отвечало на любые вопросы. Я и тогда не был уверен, что знаю достаточно. Теперь выяснялось, что кое-что меня попросят объяснить снова.

— Кость, — позвал Егор. — Ты меня слышишь?

— Про фургон без полосы — слышал.

— Я спросил, когда возвращаемся в Ростов.

Я оторвался от окна. Он говорил спокойно. Я вспомнил, как несколько раз ловил в боковом зеркале его взгляд.

— Пока не знаю. Если вызовут на беседу, придётся ехать. Сейчас у нас ещё поиск.

— Про Стаса? — спросил он.

Я удивлённо посмотрел на него.

— Валерия что-то сказала? — продолжил Егор. — Вчера ты после её звонка сам не свой.

— Пришёл запрос по старому делу. Я ещё не видел материалов.

— Тогда не придумывай за них, — ответил он. — Сначала узнай, что спрашивают.

Я кивнул. Он не стал расспрашивать дальше и включил поворотник перед лесной дорогой. За эту сдержанность я был ему благодарен.

У лесного съезда нас ждал Поляков. Его рация зашипела, и он отошёл на несколько шагов. Егор провёл ладонью по мокрому от мороси лицу.

— Ты можешь хоть раз сказать прямо, что с тобой? — спросил он.

— Могу. Только сначала разберусь, что сам помню.

Он посмотрел на меня и чуть нахмурился.

— Тогда не трать время на то, чтобы выглядеть спокойным. Я же вижу.

Я слабо улыбнулся. Егор не требовал признаний. Он просто был рядом, когда мне особенно хотелось уйти от разговора.

У ручья мы проверяли точки обзора. От места с окурками до кострища оказалось около сорока метров. За кустами тянулась старая тропа к вырубке. Поляков показал, как по ней ходили охотники. После дождя в колее стояла вода; найти здесь следы недельной давности было почти невозможно.

Я попросил Егора пройти несколько десятков шагов и остановиться там, где видел поляну. Его лицо исчезло за ветками, зато силуэт хорошо различался на светлом фоне воды. Разница была небольшой, но важной: наблюдатель выбирает место, откуда хорошо видно поляну, но трудно разглядеть его самого. Пока мы не знали даже того, был ли у семьи наблюдатель.

У подножия холма Поляков показал нам чёткие следы деревянной лестницы на коре: доски стояли здесь давно, а вот несколько креплений отличались от остальных.

— Их меняли, — сказал он. — Не вчера. Но и не двадцать лет назад.

Мы посмотрели на крепёж снизу. Гвозди на нижней ступени были ржавыми, выше виднелись более светлые шляпки. Саблин уже отметил их для сравнения. Из этого не следовало, что площадку ремонтировали перед исчезновением Ковалёвых, но появилось хотя бы конкретное различие между старой конструкцией и более поздними изменениями.

На тропе остался след сапога с неглубоким рисунком. Дождь размыл его края, и Поляков не стал обещать, что можно определить размер. Я положил рядом масштабную линейку и сфотографировал отпечаток для специалистов.

— Всё равно кажется, что кто-то держит нас на виду, — сказал Егор, когда мы спускались.

— После вчерашнего я на любую ветку оглядываюсь.

— Не на любую. Ты вон ту уже три раза проверил.

Он указал на невысокую сосну. За ней что-то мелькнуло: тёмный край рукава или кора, намокшая после дождя. Я остановился. В этот раз шум был отчётливый — лёгкие шаги по гравию, потом тишина.

— Эй! — окликнул Егор. — Есть кто?

Ответа не последовало. Мы не стали бросаться в чащу: тропа уходила к деревне, за поворотом могли быть дворы. Поляков связался с участковым и попросил уточнить, не ходят ли здесь дети. Я отметил место на схеме, не подписывая его словом «наблюдатель».

По дороге к машинам я всё прислушивался к шагам за спиной. Если тот человек действительно хотел за нами наблюдать, странно было выбирать место, откуда приходилось убегать при первом окрике.

Когда возвращались к машинам, к участковому подошла женщина с телефоном. На экране был бородатый мужчина в рабочей куртке. Она держала аппарат так близко к нам, будто фотография сама по себе должна была всё объяснить.

— Это лесной человек, — шепнула она. — В Нижних Ключах про него говорят. Он к детям подходил.

Мы записали её имя, спросили, кто и когда сделал снимок, и договорились о повторном разговоре. Она не смогла назвать ни дня, ни точного места. На фотографии был местный рабочий — пока только это мы и знали. Егор посмотрел ей вслед, потом сказал:

— Теперь ещё один подозреваемый из слухов.

— Пока лишь человек, которого кто-то сфотографировал, — ответил я.

В машине я вспомнил старое заявление Екатерины. В Ростове тоже существовали версии, которые нравились людям больше других. Одни сразу поверили девушке, другие называли её лгуньей. Я тогда считал, что пытаюсь разобраться. И кое-что тогда оставил при себе, решив проверить без посторонней помощи. Сейчас было страшно не от фамилий в официальном письме, а от возможного вопроса: почему я решил, что имею на это право?

Никиту Власова я видел редко. При встречах Никита легко располагал к себе людей. Позже я замечал, как охотно он пересказывал истории о собственных добрых поступках. Однажды привёз лекарства больному участковому и потом рассказывал об этом каждому встречному. Мне это не нравилось, но неприятная манера не делает человека преступником. Я заставил себя вспомнить именно это, прежде чем снова открыть блокнот.

После заявления Екатерины Стас стал другим. Раньше он смеялся громче всех, раздражался по пустякам; позднее чаще молчал и смотрел на дверь. Я видел, как он однажды попытался подойти к начальнику, но тот разговор быстро закончился. Что именно Стас собирался сказать, я не знал. Было бы соблазнительно теперь объяснить каждое его движение страхом или виной. Я не имел на это права.

Я попытался вернуться к списку деревень, но пальцы сами нашли в кармане бумагу с датой встречи со Стасом. За окном мелькали сосны и навесы для дров. Егор о чём-то спорил с Поляковым, а мне казалось, что я слышу тот давний разговор у бокового входа в отдел. Не целиком — отдельные слова, произнесённые слишком быстро.

Во время короткой остановки мне переслали официальное уведомление: следователей интересовала, в частности, моя встреча со Стасом за неделю до его смерти. Я помнил боковой вход, сигарету у него в пальцах, тёмное пятно от кофе на рукаве. Он говорил, как устал от слухов, и уходил от вопросов о Екатерине. Тогда я решил, что мы просто не нашли общего языка.

Теперь я сел за стол в штабе и записал этот разговор по памяти. Не исправлял обрывки фраз на гладкие предложения, не заполнял паузы выдуманными репликами. Возле нескольких строк честно поставил: «Не помню». Это оказалось труднее, чем я думал. Я привык искать смысл в чужих словах; здесь требовалось прежде всего не придумывать собственных.

Я сделал паузу перед строчкой о последних словах Стаса. Сначала записал одну фразу, затем зачеркнул: не был уверен, что он сказал именно так. Вместо неё осталось: «Сказал, что устал от разговоров. Точную формулировку не помню».

Егор заглянул в комнату с двумя яблоками.

— Ты ещё здесь? Все уже ужинать пошли.

— Закончу и приду.

Он положил одно яблоко возле папки.

— Смотри, а то опять скажешь, что у тебя не было времени.

Я взял яблоко и вдруг спросил:

— Ты бы рассказал обо всём, даже если не был уверен?

Егор не сел. Остался у двери.

— Я бы сначала сказал, в чём не уверен. А потом пусть решают, что с этим делать.

— Это легко говорить сейчас.

— Кость, я ведь не говорю, что тогда был умнее тебя. Мне тоже не всё нравилось в той истории. Просто я знал, что не должен разбирать её один.

Он ушёл, оставив дверь приоткрытой. Я дописал на листе ещё одно «не помню» и понял, что именно это больше всего не хочу произносить на беседе.

Утром следующего дня Егор увидел исписанный лист, когда я собирал документы в папку.

— К разговору, — сказал я.

— С кем?

— С людьми, которые поднимают дело Стаса.

Егор перестал завязывать шнурок и выпрямился.

— Кость, только не повторяй ту же ошибку, — сказал Егор. — Тогда ты решил сначала разобраться сам. Сейчас расскажи всё, что помнишь. И что не помнишь — тоже.

Потом он показал сообщение поисковиков: возле северной просеки нашли следы свежего костра. Мы выехали туда, но уже через час установили, что это стоянка грибников. Там оставался чек из магазина, а продавщица узнала компанию и назвала номер автомобиля. Очередной след оказался чужим. Я испытал неожиданное облегчение: хотя бы здесь удавалось сказать уверенно, что произошло и почему эта находка к делу не относится.

К вечеру участковый нашёл и того, кто прятался за сосной. Подросток хотел незаметно посмотреть, как работают поисковики, и убежал, когда его окликнули. Отец подтвердил, что в этот день сын вернулся домой в грязных сапогах и хвастался походом. Парень не имел отношения к трагедии. Но после его рассказа шаги, от которых я ещё ночью оборачивался, перестали принадлежать воображаемому человеку без лица.

На повороте стояла старая табличка с выцветшим названием урочища. Поляков остановился у неё и показал, что часть букв кто-то закрасил много лет назад. По карте дорога шла прямо, но в действительности уходила за холм. Пока Поляков показывал объезд, я снова вспомнил строчку в своих записях: «Точную формулировку не помню». Мне предстояло произнести это вслух.

На одной из старых троп Поляков познакомил нас с пожилым грибником. Мужчина сорок лет ходил здесь за грибами и знал развилки, которых не было на новых картах. Он показал, почему водители нередко сворачивали не туда: после дождей старая колея зарастала, и едва заметный проезд казался тупиком.

— Человек, который лес знает, не ошибётся? — спросил Егор.

— Ошибётся, если ночью. Но будет знать, как выехать, не оставляя машину на главной дороге.

Он не слышал о мужчине в капюшоне, зато видел людей с фонарями у ручья за неделю до исчезновения семьи. Их могло быть двое или трое. Связать наблюдение с Ковалёвыми он не смог. Мы попросили его указать приблизительную дату и показать место на карте.

Когда грибник ушёл, Егор спросил:

— Ты бы его проверил?

— Как свидетеля — да. Как преступника — только если появятся основания.

Мы пошли дальше по тропе. Я держал блокнот раскрытым на показаниях грибника, хотя мысленно снова возвращался к будущему разговору в Ростове.

Вечером Наумов вручил мне официальное приглашение на беседу в Ростове. Прочёл бумагу, положил на стол и несколько секунд смотрел на меня. В кабинете штаба пахло сырыми куртками; за стеной добровольцы сворачивали карты.

— С Родином согласуем, когда вас отпустить, — сказал он. — Пока продолжайте лесное дело. И не пытайтесь выяснять через знакомых, что у следователя в материалах.

— Понял, Евгений Александрович.

Он задержал взгляд на моём лице.

— Надеюсь, вы действительно поняли.

Глава 8

После телевизионной ориентировки звонки шли почти без перерыва. Белые фургоны видели возле рынка, в деревне у школы, на соседней трассе. Диспетчер уже узнавал наши голоса и вместо приветствия спрашивал, есть ли у нас ещё место для папок. Самое трудное было не слушать десятый рассказ так, будто он заранее неверен.

Я однажды за утро выслушал три истории про «тот самый» Fiat. Все три относились к разным машинам. На четвёртом звонке заметил, что уже приготовил ручку, чтобы поставить крестик возле сообщения, прежде чем собеседник назвал место. Отложил её и попросил повторить маршрут сначала.

Через два дня после публикации мужчина из придорожного кафе сообщил, что видел двух молодых парней на похожем фургоне. Один высокий, худой; другой невысокий, с разбитой губой. Егор предложил повторить опрос со специалистом по составлению фотороботов. Местный следователь согласился.

В районном отделе мужчина долго мял кепку, пока специалист спрашивал его о форме носа, подбородка, причёске. До глаз дошли минут через десять. Тут он замолчал.

— Не помню, — признался наконец. — Я на губу смотрел. Там кровь засохшая была. Может, и глаза видел, только сейчас не скажу.

Специалист не торопил его. Я стоял немного в стороне, наблюдая, как свидетель пытается честно добраться до того, что осталось в памяти, а что уже успело подмениться рассказами знакомых.

Когда на экране сложилось лицо первого парня, мужчина оживился:

— Точно он! Ну прямо он.

— Подождите, — спокойно остановил его специалист. — Вы раньше говорили, что форму глаз не помните. Сейчас узнаёте потому, что рисунок похож на человека, или потому, что мы вместе подобрали подходящие черты?

Свидетель снова посмотрел на изображение и не ответил. Я видел, как у него на лице исчезает уверенность. Он ещё раз посмотрел на портрет. Было видно, как ему хочется узнать нарисованного человека наверняка.

Егор наклонился ко мне.

— Он ведь сам теперь уверен. Что с этим делать?

— Записать, что он говорил до составления портрета, и как именно рисунок менялся, — ответил я. — В конце человек может узнавать изображение, которое мы сами помогли ему собрать.

Егор посмотрел на мужчину за стеклянной дверью.

— А если он действительно видел этих парней?

— Тогда проверим и поймём, на чём держится рассказ.

В соседнем кабинете лежали фотографии десятков белых микроавтобусов. Егор разложил их по моделям, сравнивал двери, окна и крепления фонарей. Я пытался помогать, но быстро понял, что в автомобильных мелочах он ориентируется лучше. Я подвинул к Егору последний снимок. Пусть он лучше разберётся с петлями и дверями, а я подготовлю вопросы свидетелям.

— Кость, посмотри сюда, — сказал он и подвинул две фотографии. — Видишь разницу в задних дверях?

— Вижу, если ты рядом поставишь.

— У семейного Fiat петли выше. А если свидетель говорит, что боковое окно открывалось целиком, значит, надо проверить, какой именно фургон он видел. Это быстрее, чем искать машину по одному цвету.

Я записал признак рядом с перечнем вопросов для свидетелей. На полях Егор отметил различия, а я переписал их в отдельный лист для опросов.

Мне запомнилась не столько разбитая губа, сколько то, как свидетель ухватился за эту подробность. На таком лице легко застрять взглядом. Остальное человек потом достраивает уже во время рассказа. Но парней всё равно нужно было найти — хотя бы ради возможности проверить одну из версий.

Егор вёл молча. На заднем сиденье лежали две папки: в одной мы собирали всё, что совпадало, во второй — то, что уже удалось опровергнуть. Вторая росла быстрее.

По этому описанию мы приехали к фермерскому хозяйству. У ворот стоял белый фургон. Двое парней, которых позвали из ангара, действительно подходили под слова свидетеля: один высокий и худой, у другого разбита губа. Оба выглядели измотанными, когда увидели служебные удостоверения.

— Мы уже всё рассказывали, — сказал высокий, сдвинув на затылок кепку. — Начальник теперь «убийцей» меня зовёт. При людях. Вы можете ему хоть что-то сказать?

Егор помрачнел.

— Он не имеет права так вас называть. Мы уточняем маршрут, а не объявляем кого-то виновным.

Парень немного расслабился и повёл нас к журналу выездов.

Накладные, отметки заправки и журнал подтверждали поездку — но на два дня позже исчезновения Ковалёвых. Свидетель действительно видел этих людей. Ошибся он не в лицах, а во времени.

Уже когда мы собирались уходить, второй работник вспомнил белый микроавтобус без переднего бампера, который несколько недель стоял у старой развилки. Он говорил о нём спокойно, как о знакомом дорожном знаке. Я попросил показать место.

Мы нашли машину в тот же день. Она принадлежала строительной фирме и ждала ремонта с разрешения хозяина площадки. Не наш Fiat. Пока мы сверяли документы, высокий парень стоял у ворот и провожал нас взглядом. Я вспомнил, как он говорил о шутках начальника, и пожалел, что не мог поставить на этой истории точку для всех сразу. Наше расследование затронуло его жизнь только потому, что кто-то неудачно вспомнил дату.

Возвращаясь, Егор спросил:

— А если завтра позвонят ещё десять человек?

— Выслушаем. И сначала будем спрашивать, когда и где человек это видел, — ответил я.

— А для нас? — спросил Егор.

— Для нас важно, чтобы хотя бы один рассказ выдержал проверку, — сказал я. — А когда не выдерживает, записываем причину и едем дальше.

В штабе мы решили раскладывать звонки не по времени поступления, а по дням предполагаемых наблюдений. Когда отметили на одной оси выход сюжета по телевидению, стала видна неприятная закономерность: самые уверенные рассказчики звонили уже после новостей. Двое вспоминали одну и ту же царапину на правой двери, хотя на опубликованной фотографии правая сторона вообще не просматривалась.

— Пересказывают друг другу, — сказал Егор.

— Или они просто запомнили то, что увидели по телевизору, — ответил я. — Это не означает, что они намеренно врут. Но такие детали нельзя считать независимым свидетельством.

Мы прослушали запись звонка диспетчеру. Мужчина говорил, что видел двух парней возле Fiat на старой дороге, но не мог назвать ни времени, ни направления. При повторной беседе он уточнил: фургон стоял за грузовиком, и он видел только часть кабины.

— Значит, двое парней нам не подходят? — спросил молодой сотрудник.

— Не знаем, — ответил Наумов. — Найдём этих двоих, уточним. Но не заставляем свидетельство говорить больше, чем оно может.

В соседнем посёлке мы поговорили с водителем, который развозил муку. Он описал совсем другие окна у фургона и назвал магазин, возле которого его видел. Проверку передали местным. Егор предложил на этом остановить серию поездок по чужим «белым машинам» и заняться дорогами, ведущими к ручью.

По пути к базе участковый предложил заехать к часовне: местный священник хорошо знал жителей окрестных деревень. Мы застали его у ворот. Он выслушал нас и сразу сказал, что не станет объяснять преступление лесными легендами. Зато назвал несколько людей, которые ходили между вырубкой и ручьём без основных дорог. Он не говорил, кто хороший, а кто плохой, — только где этих людей найти.

Егор записывал адреса, то и дело переворачивая страницу.

— Мы с утра проверяли двоих, а получили ещё целый список, — сказал он, когда священник отошёл.

— Список хотя бы связан с конкретными тропами, — ответил я. — Это уже лучше, чем просто «белый фургон».

Егор спрятал блокнот. Видно было, что бодрее ему от этого не стало.

Возле старой автобусной остановки я снова заметил тёмную куртку. Невысокий человек стоял за ржавой трубой ограждения и смотрел на нашу машину. Когда Егор повернул голову, тот исчез за стенкой остановки.

— Видел? — спросил я.

— В этот раз видел. Ростом с тебя в школьные годы, — сказал Егор. — Или с меня, когда денег на ботинки не было.

Мы проехали дальше и остановились у сельского магазина. Поляков по рации подтвердил, что на соседнюю тропу его люди не выходили. Участковый сказал: дети иногда следят за поисками, хотя родителей просили их не отпускать.

— Как закончим с проверками в деревне, вернёмся к этой тропе, — предложил я. — Только без толпы. Если это мальчик, от наших машин он будет прятаться ещё охотнее.

— А если не мальчик?

— Тогда хотя бы узнаем, кто три раза подряд был рядом с нами.

На следующий день мы вернулись к часовне, чтобы уточнить историю старой вырубки. Священник пригласил нас в маленькую комнату с печью, поставил на стол чай. За окном мерно стучала незакреплённая ставня. Егор показывал на карте заброшенную дорогу, а я спросил, давно ли здесь рассказывают о «человеке без лица».

— Здесь любят рассказывать о человеке без лица, — сказал он. — В одной деревне это охотник, в другой — погибший солдат. Детям страшно, взрослым удобно: если ребёнок не пришёл домой вовремя, виноват лесной сторож.

— А кто-нибудь использовал эти рассказы, чтобы отвадить людей от конкретного места? — спросил я.

Священник задумался.

— Помню, как браконьеры пустили слух, будто у старой вырубки завелись волки, — сказал он после паузы. — Люди туда месяц не ходили. Но это ещё не значит, что и сейчас кто-то нарочно пугает деревню.

— Конечно, — согласился я. — Только мы должны выяснить, кто первым заговорил об этом месте.

На фотографии возле окна стояли лесорубы у нового моста. На обороте значились дата и несколько фамилий; одну, Лосев, священник связал с бывшим работником старой вырубки. На снимке за лесорубами виднелся старый поворот дороги — сейчас там рос молодой осинник.

Фотография помогала нам восстановить прежнюю колею. Я попросил разрешения сфотографировать обе стороны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.